

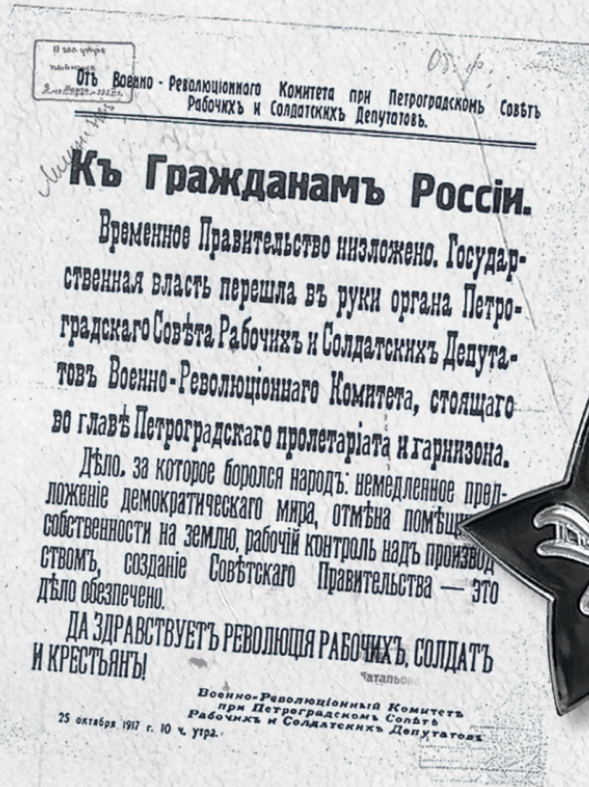

ВЕТЕР ИСТОРИИ

После моей смерти на мою могилу
нанесут гору мусора, но ветер истории
безжалостно развеет ее!

И.В. Сталин

ВСАДНИКИ КРАСНОЙ СМУТЫ

Елена Прудникова

Ветер истории

Елена Прудникова

Всадники красной смуты

«ВЕЧЕ»

2019

Прудникова Е. А.

Всадники красной смуты / Е. А. Прудникова — «ВЕЧЕ»,
2019 — (Ветер истории)

ISBN 978-5-4484-8118-5

Книга «Всадники красной смуты» посвящена Октябрьской революции. Большевики не могли взять власть – однако взяли. И уж точно никак не могли ее удержать – но ведь удержали! Более того: все, кто хоть сколько-нибудь разбирался в экономике и государственном управлении, понимали, что Россия погибла. Но ведь не погибла же! Вот ведь парадокс: большевики не верили в Бога и не любили Россию, однако на крутом переломе именно они ее спасли, когда обанкротились все, кто верил и любил. Как им все это удалось? Книга издается в авторской редакции.

ISBN 978-5-4484-8118-5

© Прудникова Е. А., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Введение	5
Часть 1	8
Глава 1	10
Село – «юдоль скорбей»	11
Куда ведут графики роста?	18
Город – ад на земле	22
Глава 2	33
Тупики духа	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Елена Прудникова

Всадники красной смуты

*Как это они умудрились построить такие здания?
Просто ставили камень на камень.
Из фильма «Миссия “Клеопатра”»*

Введение

*Я могу поверить в невозможное, но не в невероятное...
Если вы скажете мне, что великого Гладстона
в его смертный час преследовал призрак Парнела,
я предпочту быть агностиком и не скажу ни да, ни нет.
Но если вы будете уверять меня, что Гладстон
на приеме у королевы Виктории не снял шляпу,
похлопал королеву по спине и предложил ей сигарету,
я буду решительно возражать.
Я не скажу, что это невозможно,
я скажу, что это невероятно.
Гилберт Кейт Честертон*

Оказывается, знаменитая фраза о Сталине: «Он взял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой», приписываемая Уинстону Черчиллю, ему не принадлежит. Впрочем, какая разница? Кто бы ни сказал эту фразу, он дал краткую и исчерпывающую характеристику того, что сделало сталинское правительство для России. «Отец народов» ведь не один тут хозяйничал, и ник «Сталин» на самом деле обозначает целое дерево власти! С корнями, между прочим, дерево, а не просто так!

Все остальные сотни томов, написанные об этом человеке и его времени, можно считать описанием того, как это делалось. И все равно непонятно – как можно было сделать такое в чудовищно отсталой, нищей, разоренной двумя революциями и двумя войнами стране? Какая там Америка! Америка со всем своим прогрессом нервно курит в сторонке! Осознав темпы развития СССР и его перспективы, мировая экономическая верхушка перепугалась до мокрых штанов – иначе никогда не стала бы финансировать такого отморозка, как Гитлер, и кормить его вкусными и нежными европейскими демократиями.

Мы просто к этому факту нашей истории привыкли и оттого не обращаем на него внимания, принимая невозможное как данность. Какое же оно невозможное, когда – вот же оно! Мы еще в школе учили, как...

А что – как?! Откуда брали деньги на строительство заводов? Чем расплачивались за станки и машины? Как делали инженеров из выпускников церковно-приходских школ? Как за три года провели аграрную реформу и чем за нее заплатили?

Нет, не проходили этого в школе. Нам всего лишь перечисляли стройки и победы, при этом брюзжа, что все недостаточно гламурно вышло: кого-то там раскулачивали, а кого-то и расстреливали, и пятна эти легли несмываемым... Нельзя было ни раскулачивать, ни расстреливать, надо было мановением руки взять и – чтобы лев с ягненком в обнимку лежал и питался чаем, простоквашей да гречневой кашей. И больше ничем...

Смешно? А над кем смеемся? Даже если мы не из тех, кто вот уже четверть века, полеживая на мягком диване, тупо талдычит про «большевистские злодеяния», то уж «сталинские

ошибки» не перечислял только ленивый. Вот в этом «вождь народов» был прав, а вот в этом – неправ...

Сами попробуйте-ка порешать подобные задачи, когда они не позади вас, а перед вами! Сперва осознав, что вам предстоит совершить невозможное – этот факт как-то проскальзывает мимо современного сознания. (Хотя что касается сегодняшних проблем – то у нас и какое-то там импортозамещение проходит по разряду невыполнимых задач. Вот уж Сталин с Молотовым посмеялись бы!)

Именно невозможность того, что предстояло сделать, очевидная для любого нормального человека, и спасла в свое время как Советскую Россию, так и Россию в целом. До какого-то времени ее не «гасили» именно потому, что поднять эту страну до сколько-нибудь приемлемого экономического уровня было невозможно. Так и пусть суетятся смешные мечтатели. Зачем воевать, тратить деньги, солдат гробить – своих, не туземцев, – если все это само скоро рухнет?

А оно не только не рухнуло, не только устояло, но как-то рванулось вперед! Если бы такое могли предполагать хотя бы в теории, задавили бы еще в 20-е. Но «мировое сообщество» врубилось в ситуацию лишь в начале 30-х, когда было уже поздно. Тогда и стали кормить Гитлера – тут уж не до приличий, когда финансовое господство вот-вот из рук вырвут.

...Чтобы пересчитать подобные рывки в мировой истории, хватит пальцев одной руки. (И то еще подумать надо, что назвать при загибании второго пальца.) Тем не менее на протяжении всего советского, а потом постсоветского периода официальная история старательно уводила внимающих ей от созидательной деятельности большевистских правительств. Вычеркнуть из истории чудо, случившееся в СССР, было, конечно, невозможно – но вот масштаб его сперва описательно недооценивали (мол, индустриализация – дело житейское), потом тщательно замазывали, а смысл вообще не обсуждался.

А в чем смысл?

Интеллигенция со свойственной ей абсолютизацией сказанного и недооценкой сделанного традиционно переносит центр тяжести в область идеологии. Ну там, построение коммунизма, мировая революция, пожар раздуем, пролетарии всех стран и прочая... Да, конечно... Но что странно: раздували мировую революцию, а получилась почему-то красная империя. Такие вот традиционные приколы нашего городка. Как ни прилаживай вынесенные с завода швейных машинок детали, все равно пулемет получается.

А пулемет получался потому, что детали были от пулемета. Большевики, конечно, стратегически-то и вправду планировали «земшарную республику советов». Но при этом были гениальными тактиками (другие бы на этой взбесившейся штормовой волне не удержались). Ну а тактика имеет гнусное свойство выводить не туда, куда хочется попасть, а куда выводит логика процесса.

То, что Сталин хотел империю и строил империю, – это понятно. Он был имперцем по духу, и империя радостно принялась расти под его рукой: свой своему поневоле брат. Но Ленин-то! Вроде бы Россию-матушку терпеть не мог (один «Декрет о мире» чего стоит!), и западник был до мозга костей, и про общенародную демократию теоретизировал – а все равно страну собирал. Пусть как дрова для всемирного костра – но собирал же! И с заведенной им же самим демократией боролся люто, наступая на горло собственной песне. Потому что «вся власть советам» категорически противоречила логике существования доставшегося ему государства. В отличие от главной задачи большевиков, которая ей никоим образом не противоречила.

Да, была ведь и главная задача, которую ставили и решали большевики – народ в этом государстве должен жить достойно. Вот такие они были прекраснодушные идеалисты! Не о себе и не об идее пеклись, а о государстве для народа. И ведь получалось! Если сравнивать

жизнь при социализме не с дворянской или, скажем, купеческой, а с рабочей и крестьянской, то разница сразу видна.

Впрочем, и традиционную государственную задачу России тоже никто не отменял. Как писал по этому поводу русский публицист Иван Солоневич:

«Перед Россией со времен Олега до времен Сталина история непрерывно ставила вопрос: “Быть или не быть?” “Съедят или не съедят?” И даже не столько в смысле “национального суверенитета”, сколько в смысле каждой национальной спины: при Кончаках времен Рюриковичей, при Батях времен Москвы, при Гитлерах времен коммунизма... – дело шло об одном и том же: придет сволочь и заберет в рабство... Тысячелетний “прогресс человечества” сказался в этом отношении только в вопросах техники: Кончаки налетали на конях, Гитлеры – на самолетах. Морально-политические основы всех этих налетов остались по-прежнему на уровне Кончаков и Батыев...»¹

И какие бы маяки ни маячили на горизонте, необходимым условием для них было: здесь, на этой шестой части суши, должно существовать единое и великое государство, которое может раскатать в тонкий блин любого завоевателя. Иначе «придет сволочь и заберет в рабство» вместе со всеми теориями и идеями.

Так что любил Ленин Россию или же не любил... А куда ж он денется с подводной лодки?!

А логика событий гнала вперед. «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». Эти более чем пророческие слова, ибо в них угадан даже год нападения, сказаны Сталиным 4 февраля 1931 года, когда ни о какой фашистской Германии не было и речи. Понимал: не одни, так другие все равно налезут. И ведь пробежали! И дальше убежали, да так, что задела и на застой хватило, и на «перестройку». Кто бы что ни говорил, но Россия по-прежнему сверхдержава.

Ну и как они сумели все это проделать?

¹ Солоневич И. Народная монархия. М., 1991. С. 221.

Часть 1

Постановка задачи

*Почему все так вышло? И будет ложью
На характер валить иль на волю Божью.
Разве должно было быть иначе?
Мы платили за всех, и не нужно сдачи...*

Иосиф Бродский

Чтобы понять масштабы невозможного, сделанного большевистским правительством, надо знать не только точку финиша, но и точку старта. Какой стала Россия при «атомной бомбе», мы знаем, и, сравнивая с Америкой, еще и брюзжим: мол, там-то шмотья на душу населения поболее будет... При этом совершенно не задумываясь: а каким людям и каким событиям мы обязаны тем, что нам вообще приходит в голову сравнивать себя с Америкой, а не с Бразилией или Сомали...

А вот как выглядела та Россия, которая «с сохой»? Питаясь из года в год, из десятилетия в десятилетие либо бездарным официозом, либо озлобленными эмигрантскими и диссидентскими писаниями, мы привыкли, с одной стороны, воспринимать происшедшее в России в первой половине XX века как данность, а с другой – как черную данность. Эмигранты внушили нам свою Россию – свой потерянный рай. Для тех, кто после семнадцатого года оказался на парижских мостовых, прежняя жизнь и в самом деле была раем – но ведь это про них писал баснописец Крылов насчет «попрыгуны стрекозы» (и наличие среди эмигрантов некоторого числа по-настоящему достойных людей дела не меняет). Для них большевики и вправду были злой силой, о чем они без устали писали много десятилетий – но все это есть сетования стрекозы на ушедшее лето, злые погоды и жадных муравьев.

Ну а про диссидентов и говорить нечего. Эта публика при всех режимах постоянна. При монархии они ругали царя, при советской власти ругали коммунистов, попав в Америку – ругают Америку. Заигрывает власть с ними – ругают, сажает – обратно ругают. Это не мозговые процессы, а скорее печень – но при таком количестве повторений и на людей со здоровой печенкой действует! (Интересно, а за что на самом деле посадили Солженицына? Кто-нибудь знает?)

Если ругать Сталина постепенно становится дурным тоном, то на его предшественниках оттаптываются все, кому не лень, – от жирафов до ослов. Одни их ругают за то, что разорили великую, могучую и богатую Россию. Другие – за то, что при них были карточки на хлеб, а колбасы и вовсе не было. Третьи – что они страну-то подняли, зато не соблюдали мораль мягких диванов. Четвертые – что их достижения оплачены слезами и кровью, а не упали с неба. Пятые...

В общем, все ругают их за то, что большевики чего-то не сделали для нас. И при этом никто, кажется, не дает себе труда разобраться – а что они сделали? За что была заплачена цена крови и слез? И что стало бы с Россией, если бы не нашлось в октябре семнадцатого в Петрограде этой кучки безбашенных авантюристов, решивших, что раз история разворачивается по их теории, то и нечего клювом щелкать, надо ввязываться в драку.

Давайте рассмотрим деяния большевиков под непривычным для нашей истории углом – как отчет о проделанной работе. Вот задача, вот усилия по ее решению, а вот то, что удалось сделать.

И сразу же оказывается, что все изначально было не так. Той золотой «России, которую мы потеряли», попросту не существовало в природе. Была Российская империя – страна, в какие-то периоды своего существования вполне сносная, а в какие-то весьма мрачная. Не было разваливших ее «злых большевиков» – то хозяйство, которое досталось им в октябре семнадцатого, при всем желании развалить было невозможно – некуда! Даже продрозверстку и Особое совещание при НКВД придумали не большевики. Даже елку, и ту не они отменили!

Собственно, виноваты они были лишь в одном, но эта вина прощению не подлежит – они виноваты в том, что победили. Причем каждый побежденный, от Керенского до жестко поставленного на место «мирового сообщества», естественно, поливал их всей доступной грязью и обвинял во всех смертных грехах, в том числе и в своих собственных. Даже в холокосте попытались обвинить – но тут уж не прокатило.

Но и делать из них идеальных людей не стоит. Скорее это свидетельство того, что Божий промысел может воплощаться в жизнь самыми разными руками. Ленин был весьма не голливудский типаж – тот, который сильный и жесткий, но где-то в глубине души добрый и справедливый спаситель человечества: и террориста замочит, и слезинку ребенку вытрет. Чтобы понять, что это за персонаж, достаточно взглянуть на его портрет: этот не станет философствовать по поводу того, что цель оправдывает средства. Он из тех, кто нажмет любую красную кнопку в порядке обычного управления, даже не заметив, что перед ней есть еще какое-то стекло. Но в критические моменты истории размышления о средствах и предохранительных стеклах имеют обыкновение оборачиваться уже не большой, но запредельно большой кровью, а жестокая непреклонность, если судить по числу жертв, оказывается подлинной гуманностью.

Большевики не верили в Бога и не любили Россию, однако на крутом переломе все же именно большевики ее спасли – тогда, когда обанкротились все, кто верил и любил. И не стоило бы закрывать на это глаза. Притом задачи, которые им пришлось решать, едва ли выпадали кому-либо в истории человечества². А они не были ни государственными деятелями, ни даже опытными чиновниками или управленцами. Если бы были, то смогли бы отдать себе отчет, что им предстоит сделать невозможное, и шарахнулись бы от этого невозможного, как это сделали другие, те, которые отчет отдавали... А они не знали, да и не задумывались, по правде-то сказать. За что их, кстати, люто ненавидели все приличные партии, от кадетов до меньшевиков с эсерами: большевики посмели сделать то, на что приличные так и не отважились.

Между тем наследство они получили такое, на какое никто нормальный, в здравом уме и твердой памяти, не покуется. Для того клубка проблем, каким являлась Россия, сразу и названия не подберешь, да и будущего не считаешь – испугаешься...

² Разве что гиксосам, захватившим за 2 тысячи лет до Р.Х. Египет, – воинам-кочевникам пришлось становиться фараонами и царедворцами. Но их опыт едва ли смог бы помочь большевикам: о гиксосах известно лишь то, что они были.

Глава 1

Та Россия, которую мы потеряли

*Как упоительны в России вечера!
Любовь, шампанское, закаты, переулки,
Ах, лето красное, забавы и прогулки,
Как упоительны в России вечера.
Балы, красавицы, лакеи, юнкера,
И вальсы Шуберта, и хруст французской булки,
Любовь, шампанское, закаты, переулки —
Как упоительны в России вечера!*

Из песни

Если судить о России по патриотически-назидательной литературе, то не страна это была, а рай земной. Мужики сплошь богобоязненны и трудолюбивы (недаром и слово «крестьянин» происходит от «христианин» – говорят господа патриоты. Забавно. Что же получается, что все прочие сословия в России христианами не были?), дворяне озабочены исключительно защитой отечества да процветанием вверенных им мужичков, ну а образованная публика самоотверженно несет в народ просвещение³.

Но ведь сказал почему-то в начале девятисотых годов обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев Николаю II: «Продление существующего строя зависит от возможности поддерживать страну в замороженном состоянии. Малейшее теплое дуновение весны, и все рухнет». Естественно, не Николай создал эту ситуацию, и не его отец, который успешно всю эту хлябь, выражаясь словами Победоносцева, «подмораживал». Зрела она давно, как минимум с Петровских реформ, которыми начали вводиться в России совершенно неподходящие ей порядки – насмотрелся царь-батюшка красот по европам и решил у себя такое же завести. Ну да не он первый, сколько раз россияне с завидным постоянством наступали на те же грабли. Но с него пошло разрушение того, что трогать было нельзя, – основы, на которой строилось государство.

Наши публицисты-«патриоты» стыдливо называют традиционную иерархию российского общества «системой повинностей». Царь служит Богу, бояре – царю, и так далее, до последнего холопа. Всякие западноевропейские фокусы типа «король – первый среди равных» и пр. при попытке ввести их в России всегда карались с соответствующей времени жестокостью. Если называть вещи своими именами, страна строилась как военный лагерь – но вся штука-то в том, что русский человек никогда не имел ничего против военного лагеря. Он имел против, когда солдаты умирали, а генералы толстели. Опять же, если мы вспомним о том, из каких компонентов составлен русский народ, это и не удивительно, правда? За финские племена не скажу – хотя... в таком климате легковесные люди не выживают, тут надо иметь упрямство и стойкость.

³ Если говорить о просвещении и назидании, то есть у меня по этому поводу несколько книжек, которые я время от времени открываю вместо ужастиков – действуют безошибочно, потом долго не уснуть. Откопала я там, например, такой рассказ: «Наказание Господне за работу в праздники». Сюжет чрезвычайно простой: некая крестьянская семья в воскресенье, вместо того чтобы пойти в церковь, отправилась возить сено (по-видимому, дамы-авторессы полагали, что в страду у крестьян бывают выходные, – интеллигенция-с...). Ну и последовало им наказание: по ходу возки сена двое их малолетних детей задохнулись под перевернутым возом. Как совместить этот рассказ со словами Христа: «суббота для человека, а не человек для субботы» – не понимаю. Может быть, авторы современной душевспасительной литературы объяснят?

Естественно, в первую очередь такие порядки не нравились именно знати, которая бывала за кордоном и видела, что там их двоюродные европейские братья живут не хуже, а повинностей несут меньше, а не хотят – так и вовсе не несут. С Иваном Грозным такие разговоры кончались плохо, но ведь времена меняются! И к началу XVIII века ситуация созрела, а тут и царь подходящий подоспел. И покатались «петровские реформы» – может быть, и неплохие, но для страны чужеродные. А потом пошла реакция отторжения, и к началу XX века в недрах России вызрел чудовищный гнойник, хоть и отзывавшийся на поверхности бытия эстетически изысканным багровым цветом, но, право же, от того не ставший полезнее...

Село – «юдоль скорбей»

*Я хлебами иду – что вы тощи, хлеба?
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!
Я стадами иду: что скотинка слаба?
С голоду, странничек, с голоду,
С голоду, родименькой, с голоду!*

Николай Некрасов. Коробейники

...Для начала, по ходу введения европейских порядков, у нас шарахнулись назад по лестнице «общественно-экономических формаций», заменив крепостное право рабством – крестьяне из прикрепленных к земле были переданы в личную собственность помещикам. Прежняя система, когда мужика от земли оторвать было нельзя, заменилась иной: земля принадлежит хозяину сама по себе, а люди – сами по себе. Затем последовал указ о вольностях дворянских, который постепенно расширялся и углублялся, и в конце концов дворяне попали в такое положение, что они имели право, ничего не делая, жить на доходы с доставшихся им от рождения имений, в то время как крестьяне находились в совершенно рабском состоянии. В то время Россией еще и дамы правили, а дамы во все времена падки на красивое – и началось. Страна принялась спорить с Западной Европой уже не в масштабах торговли и качестве кораблей, а в высоте причесок, изысканности столов и красоте версалей. А для всего этого требовались деньги. Многие ли из тех, кто смотрит «Гардемаринов» и «Бедную Настю», задумываются об источниках дохода этих блистательных российских господ? Источник один: крепостные крестьяне. А поскольку барин хочет сорить деньгами сегодня, а завтра все как-нибудь образуется, управитель же и вовсе наемник, которому через день после увольнения хоть трава не расти, результат понятен, не так ли?

Чтобы добыть деньги для красивой жизни, сначала пытались нажать на мужиков, но количество шкур у податного сословия оказалось ограниченным, а вот аппетиты знати не ограничены никак. Тогда начали распродавать основной капитал. Какие состояния проедали и проигрывали в столицах – уму непостижимо! Впрочем, плохо не это, плохо другое: из деревни качали деньги, ничего в нее не вкладывая. Существовали, конечно, отдельные образцовые хозяйства, но они погоды не делали. Деревня, брошенная на наемников-управителей, которым важно было выжать подать сегодня, а не обеспечить ее завтра, постепенно деградировала и в хозяйственном, и в психологическом плане. Кто был на Севере или в Сибири, тот видел дома государственных крестьян и вольных людей, и легко может сравнить их с избами российского Нечерноземья, да и с украинскими хатами. Совсем иное достоинство у этих домов, и совсем иное достоинство у живущих в них людей.

Уже в начале XX века в Сибири жен крестьян, переселившихся из России, местные хозяйки с легким презрением называли «чернолапотницами». Почему? А потому что выйдет

переселенка за какой-нибудь надобностью из избы, и за ней на белом снегу остается черный грязный след. Оттого и прозвище такое дали им хозяйки домов с белыми скоблеными полами. А ведь это один и тот же народ – просто сибиряки переселились из России несколько раньше, и судьба рабочей скотины в барском хозяйстве обошла их стороной. Они не опустились...

Деградировало крестьянство, но и дворянство делало то же самое, лишь на свой манер. Всякие красивые западные прибабасы перенимали и при Борисе Годунове, и при Иване III, да и раньше, надо думать, тоже. Но вот стыдиться своей Родины российская знать начала лишь после Петра – а это признак вполне конкретный. Оно, конечно, знать всегда и во всех странах старается показать, что она ничего общего не имеет с собственным народом, но не всегда это бывает успешно. Как правило, успех сего начинания приходит незадолго до гибели державы – например, очень прекрасно было это выражено во Франции перед их революцией. Но Россия любую идею доводит до логического завершения – не стала исключением и эта. Наша знать не только жила в иных условиях, имела иные вкусы и носила иную одежду, она брезговала даже русским языком, предпочитая общаться между собой по-французски, и ведь вот что забавно: это положение не изменилось и после Отечественной войны 1812 года! Неудивительно, что время от времени у подвластных мужиков появлялось естественное желание посмотреть – а какого цвета у барина кровь, красная или, может, и вправду голубая? Удавалось не часто, а карали за это жестоко, так что желание сие мужики реализовывали редко, и оно накапливалось, накапливалось...

К середине XIX века стало ясно, что терпеть с отменой крепостного права больше нельзя, иначе страна попросту погибнет. Эту реформу покушались провести и Александр I, и Николай I, но каждый раз отступали, и ясно почему – царь тоже человек, и ему жить хочется. Ближе всех к нему по иерархической лестнице стояли дворяне – слой, кормившийся не собственным трудом, а почти исключительно рабским трудом принадлежавших им «душ». Если освободить крестьян, не думая о последствиях, то разорившееся дворянство будет обречено на... впрочем, если бы император попытался сделать им такое паскудство, он не дожил бы до подписания собственного указа. А освободить крестьян без земли значило неминуемо обречь страну на крестьянские бунты. Правда, в этом случае проблема помещиков решилась бы сама собой, как решилась она в 1917 году, быстро и кардинально. Но для таких поворотов руля нужен был не Романов, а Ульянов.

Александр II, на плечи которого в конце концов свалилось счастье проводить эту реформу, нашел середину, хотя далеко не золотую. Крестьян освободили без земли, а землю им передали за выкуп, причем такой выкуп, чтобы и бар не обидеть. Выкупные платежи государство взяло на себя в порядке добровольно-принудительного кредита с рассрочкой на 49 лет, из 6 % годовых. Сделав простой арифметический подсчет, выясним, что итоговая сумма должна была возрасти вчетверо. Государство себя не обидело! Естественно, такая реформа не прибавила мужикам любви ни к господам, ни к властям российским.

Лишь в 1907 году правительство поставило на этой истории точку, «простив» крестьянам остаток долга. Великодушный жест несколько запоздал – до срока полного расчета оставалось три года. Десять лет спустя, уже в революцию семнадцатого года, этим платежам еще предстоит аукнуться. В милой детской книжке Аркадия Гайдара «Школа» большевик Баскаков говорил об этом так:

«Слыхали ли вы, что в Учредительном собрании, когда еще оно соберется, обсуждать вопрос будут: “как отдать землю крестьянину – без выкупа либо с выкупом?” А ну-ка, придите домой, посчитайте у себя деньжата, хватит ли выкупить?..

– Какой еще выкуп! – слышались из толпы рассерженные и встревоженные голоса.

– А вот такой... – тут Баскаков вынул из кармана смятую листовку и прочел: – “Справедливость требует, чтобы за земли, переходящие от помещиков к крестьянам, землевладельцы

получили вознаграждение”. Вот какой выкуп. Пишут это от партии кадетов, а она тоже будет заседать в Учредительном. Она тоже своего добиваться будет. А вот как мы, большевики, попростому говорим: неча нам ждать Учредительного, а давай землю сейчас, чтобы никакого обсуждения не было, никакой оттяжки и никакого выкупа! Хватит... выкупили.

– Вы-икупили! – сотнями голосов ахнула толпа».

А по деревням то же самое говорили эсеры, и толпа так же в один голос ахала: «Вы-икупили!» Мужики не видели смысла в существовании помещиков, и это свое непонимание обозначили в 1905-м и в 1917-м погромами и пожарами. И не потому, что в то время в помещичьих хозяйствах не было смысла, – в тех, что уцелели к тому времени, был, и еще какой! Это крепостное право аукнулось, барин с гостями, размовляющие по-иноземному, ихние забавы да охоты и полная, с точки зрения крестьянина, бесполезность их жития на земле.

Отмена крепостного права, как и большинство российских реформ, запоздала как минимум на полвека, а то и на век. «Воля» в том виде, в каком она была дана, не обогатила, а разорила деревню...

...В 1897 году немало шуму наделало исследование группы экономистов во главе с проф. Чупровым под названием: «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства». Исследовав проблемы так называемого «землевладельческого кризиса», охватившего в то время Европу и имевшего своей причиной низкие цены на хлеб, авторы сделали неожиданный и парадоксальный вывод: для большинства российского населения, и в первую очередь для самих крестьян, эти цены... выгодны. Казалось бы – бред, ведь хлеб был основной статьей экспорта России, и падение цен означало убытки и разорение. Но, как оказалось, хлеб на продажу имели лишь 9 % крестьян и крупные землевладельцы. Остальная масса сельского населения России, не в силах прожить собственным урожаем, хлеб покупала.

«Натуральное хозяйство оказало России великие услуги; оно служит причиной того, почему землевладельческий кризис, охвативший всю Европу, нами переносится сравнительно легче. У нас есть огромное количество хозяйств, стоящих вне влияния низких хлебных цен. И кто знает, не должны ли мы в современных тяжких условиях в некоторой степени благословлять судьбу за сохранение у нас натурального хозяйства?»⁴

Это уже, что называется, приехали. На рубеже XX века экономист благодарит судьбу за то, что 91 % сельского населения аграрной страны (согласно переписи того же 1897 года в городах проживало всего 13 % населения России) живет в условиях натурального хозяйства. Притом, как выясняется, даже в этом состоянии русский крестьянин не может удержаться и вынужден докупать хлеб, расплачиваясь за него неизвестно чем... или голодать! И это при том, что Россия считалась житницей Европы. Но вот была ли она своей собственной житницей – это еще вопрос.

«Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» – издание вполне официальное. Вот что там написано о голоде в России:

«После голода 1891 г., охватывающего громадный район в 29 губерний, Нижнее Поволжье постоянно страдает от голода: в течение XX в. Самарская губерния голодала 8 раз, Саратовская 9⁵. За последние тридцать лет наиболее крупные голодовки относятся к 1880 г. (Нижнее Поволжье, часть приозёрных⁶ и новороссийских губерний) и к 1885 г. (Новороссия и часть нечерноземных губерний от Калуги до Пскова); затем вслед за голодом 1891 г. наступил голод 1892 г. в центральных и юго-восточных губерниях, голодовки 1897 и 1898 гг. приблизительно в

⁴ Цит: по: Ольденбург С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 85.

⁵ Этот том «Словаря» вышел в 1913 г.

⁶ Санкт-Петербургская, Псковская, Новгородская и Олонецкая губернии.

том же районе; в XX в. голод 1901 г. в 17 губерниях центра, юга и востока, голодовка 1905 г. (22 губернии, в том числе четыре нечерноземных, Псковская, Новгородская, Витебская, Костромская), открывающая собой целый ряд голодовок: 1906, 1907, 1908 и 1911 гг. (по преимуществу восточные, центральные губернии, Новороссия)»⁷.

Причину голода и крестьяне, и экономисты видели в экспорте хлеба и в малоземелье, недостаточных наделах. В 1917 году леворадикальные партии пришли к власти под лозунгом: «Земля – крестьянам!» Но весь парадокс состоял в том, что земля и так была в основном у крестьян! В начале XX века им принадлежало более 160 млн десятин земли, дворянам – около 52 млн и прочим владельцам – около 30 млн. При этом крестьянская земля по качеству была лучше – более чем три четверти от нее составляли так называемые удобные земли (у дворян таковых меньше половины). И это не говоря о том, что крестьяне брали землю еще и в аренду. «Подобного преобладания мелкого крестьянского хозяйства над крупным не было ни в Англии, ни в Германии, ни даже в послереволюционной Франции. Россия была страной мелкого крестьянского хозяйства. Большие имения были островками в крестьянском море», – пишет приводящий эти данные историк Ольденбург. Притом что даже средняя урожайность на частных землях была на треть выше, чем у крестьян, а в крупных имениях, где хозяева знали, кто такой «агроном», она была выше уже в разы. Экспорт зерна отнюдь не вырывал последний кусок изо рта у крестьянских детей: вывозили зерно крупные хозяйства, они же кормили города, они же страдали от кризиса и низких цен, а колоссальное крестьянское большинство работало на самих себя и еще, добывая деньги промыслами, покупало хлеб. Оно же регулярно страдало от голода, стоило случиться хотя бы относительному неурожаю, и тогда правительство вынуждено было из государственных средств покупать для голодающих губерний хлеб. Получалось, что около 80 % населения России не вкладывали в общегосударственную копилку практически ничего, кроме подушного налога (да и то сплошь и рядом его не выплачивая – нечем), а время от времени попросту жили на пособие. Такой роскоши не может позволить себе даже современная Америка – но ее позволяла себе тогдашняя Россия.

Причины такого положения сплелись в тугой клубок, в котором непонятно даже, что более значимо. Во-первых, общая деградация крестьянства за двести лет крепостного права по западноевропейскому, а точнее, польскому образцу. Во-вторых, последствия отмены крепостного права, причем они далеко не ограничивались выкупными платежами. Беда была в другом: все налоги, которые раньше выплачивались натурой, теперь надо было платить деньгами. А откуда мужику взять деньги? Только продажей урожая и разных там холстов, грибов и пр., что бабы наготовят. Естественно, сами они все это на рынок не везли, а продавали за гроши перекупщику, на деревенском языке «кулаку», который на этой торговле и наживался, внося дополнительный вклад в обирание крестьян. Под гнетом всех этих новых обстоятельств крестьянское хозяйство стало стремительно беднеть.

И тут пришла еще одна беда, земельная. Имя этой беде – община. Во время крепостного права она была, может статься, и во благо, но после освобождения превратилась в нечто чудовищное. Община являлась собственником земли и распределяла ее по хозяйствам – по справедливости. Справедливость же была мелочно-уравнительной: каждому хозяину доставалось по кусочку хорошей земли и по кусочку плохой, а то и по три-четыре надела, если общинные земли были трех-четырех сортов... и так до нескольких десятков – справедливость же! Поля получались такими, что заводить на них какое-либо механизированное хозяйство просто бессмысленно. Причем каждые несколько лет происходили переделы, а заботиться о поле, которое скоро перейдет кому-то еще, – очень надо! Землю эксплуатировали хищнически, до такой степени, что в начале XX века урожай в нечерноземных губерниях был сам-3 – сам-4 (то есть

⁷ Цит. по: Пыхалов И. Кормила ли Россия пол-Европы? // Спецназ России. 2004. № 1.

на каждое брошенное в землю зерно собирали два или три). Если переводить на центнеры, то урожай колебался с 3–5 до 10–12 центнеров с гектара. В Германии в то же время средний урожай был около 24 центнеров, и русские крестьяне в северо-западных губерниях покупали немецкий хлеб – он был дешевле русского!

В последнее время с подачи г-на Паршева, автора знаменитой книги «Почему Россия не Америка», у нас начали все валить на плохой климат – он, мол, причина всех бед. Ну, во-первых, страна у нас большая и климат разный. А во-вторых, Россия как раз и зарождалась в тех местах, которые теперь называются Нечерноземьем, зоной рискованного земледелия. И можно сколько угодно говорить о малопродуктивных землях, о плохом климате, о коротком лете⁸ – но ведь кормила та же самая земля наших предков! Причем так кормила, что в начале XVII века, когда случилось три абсолютных неурожая один за другим, по-настоящему голодать начали лишь на третий год. Триста лет спустя любой, даже частичный, неурожай тут же отзывался голодом. Климат климатом, но урожайности сам-3 просто не бывает! Это значит, что земля истощена до предела, так, что надо очень уметь довести ее до такого состояния. У нас сумели.

Те же исследователи приводят некоторые цифры, размышляя над которыми испытываешь легкий холодок: вот тебе, баушка, и упоительные вечера!

«Семья из четырех человек (двое взрослых с малолетними детьми) при урожае сам-3, с 4,5 га пашни (в двух полях) имеет чистый сбор 108 пудов. Для прокорма двух лошадей и двух коров надо потратить 40 пудов, тогда на людей останется 68 пудов, это в расчете “на душу” 17 пудов, а на 2,8 “полных едока” (дети едят меньше) – 24 пуда. На год»⁹.

Перейдем теперь на килограммы. 24 пуда в год – это два пуда в месяц, или примерно килограмм в день. Грубо считая, не меньше 10 процентов надо отдать за помол, примерно столько же составит припек – получается 1000–1100 граммов печеного хлеба в день. При этом семья явно небедная, учитывая количество скота. Что же творилось у бедняков, которым нечем было вспахать четыре гектара и не было навоза, чтобы удобрить поле? И во многих ли крестьянских семьях было по двое детей? У одной моей деревенской прабабки их было шестнадцать (выжили шестеро), у другой – шестеро (выжили все). Сколько хлеба придется на человека в семье из приведенного примера, если рассчитывать на шестерых детей?

Скот – это особая проблема. Скотину надо кормить, причем не только травкой, сеном и соломой, но и зерном. Русские лошаденки, мелкие и пузатые, были на удивление неприхотливы – западноевропейская рабочая лошадь протянула бы ноги на такой кормежке очень скоро. В Англии рабочей лошади давали в год до 130 пудов овса, в русских деревнях – 15–20, а то и вообще одни лишь сено-солому. Но и в этих условиях далеко не каждая семья могла осилить содержание скота.

В начале 90-х годов при 110 млн сельского населения в России было лишь 26 млн лошадей – при том, что пахали, за исключением Украины, Дона и Кубани¹⁰, только на лошадях, никаких тракторов не было и в помине. Надо еще учитывать, что в это число входят все лошади: и извозчицы, и кавалерийские, и многочисленные обозные сивки – транспорт тоже был сплошь гужевым. Что же остается деревне? В 1912 году около 30 % крестьян были безлошадными – а это уже самая горькая бедность, и примерно столько же хозяйств имели по одной лошади. Безлошадному одна дорога – в батраки, но у кого батрачить, если среди соседей нет богатых? Те, у кого по две лошади, тоже батраков не держат, поскольку сами едва сводят концы с концами (см. выше).

А ведь надо было и деньги зарабатывать. Вот еще цифирки из того же источника:

⁸ Сталинская коллективизация доказала, что климат здесь не так уж и виноват – только за счет объединения мелких наделов в крупные поля урожайность выросла, и намного.

⁹ Валянский С., Калужный Д. Русские горки. М., 2003. С. 34.

¹⁰ В черноземных губерниях пахали на волах – лошади не справлялись с пашней.

«По данным академика Л.В. Милова, бюджет крестьянина “посредственного состояния” с женой и двумя детьми, “живущего домом”, составлял в год:

1. На подати и расходы домашние и на избу и на прочее строение – 4 руб. 50 коп. с половиною.
2. На подушный оброк за себя и за малолетнего своего сына – 7 руб. 49 коп.
3. На соль – 70 коп.
4. На упряжку и конскую сбрую – 1 руб. 95 коп. с половиною.
5. На шапку, шляпу, рукавицы и проч. – 97 коп. с половиною.
6. На земледельческие инструменты и всякие железные вещи и деревянную посуду – 4 руб. 21 коп.
7. На церковь – 60 коп.
8. Для жены и детей – 3 руб.
9. На непредвиденные расходы – 3 руб. Итого – 26 руб. 43 коп. с половиною.

Если крестьянин имел посев до 3 десятин в двух полях, то есть несколько выше минимальной нормы, и заготавливал до 300 пудов сена, то мог содержать скот не только для своих нужд, но и на продажу. Такой крестьянин-середняк в год мог продать бычка, свинью, двух овец, три четверти хлеба, а также по мелочи мёд и воск, хмель, грибы, коровье масло и творог, яйца. Общая прибыль со всего с этого составляла 8—10 рублей. Однако для нормальной жизни и на подати и расходы ему нужно, как уже показано, 26 рублей! Получается, что даже крестьянин-середняк далеко не сводил концы с концами. А что же бедняки?

Подсчитано, что в 1900 году крестьянин покрывал за счет хлебопашества лишь от четверти до половины своих потребностей; остальное ему надо было зарабатывать каким-то иным способом»¹¹.

Практически весь товарный хлеб, то есть предназначенный на продажу, выращивался в крупных современных хозяйствах. По ним-то и ударило катастрофическое падение цен на хлебных рынках, которое смогли выдержать только самые сильные. В 1881 году пуд хлеба вывозили за 1 руб. 19 коп., в 1886-м – за 84 коп., в 1894-м – за 59 коп. Сотни средних, хотя и перспективных владений разорились и канули все в то же крестьянское болото. Исчезали те единственные центры, которые со временем могли стать основой крупного сельскохозяйственного производства – а ведь только оно и способно было накормить страну.

К началу XX века положение крестьянства из просто тяжелого стало катастрофическим. «Ряд официальных (!) исследований с несомненностью установил ужасающий факт крестьянского разорения за 40 лет, истекших со времени освобождения. Размер надела за это время уменьшился в среднем до 54 % прежнего (который тоже нельзя было считать достаточным). Урожайность уменьшилась до 94 %, а в неблагоприятной полосе даже до 88–62 %. Количество скота упало (с 1870 года) в среднем до 90,7 %, а в худших областях до 83–51 % прежнего. Недоимки поднялись с 1871 года в среднем в пять раз, а в неблагоприятной полосе и в восемь, и в двадцать раз. Ровно во столько же раз увеличилось и бегство крестьян с насиженных мест в поисках большего простора или за дополнительными заработками. Но и цена на рабочие руки, в среднем, почти не поднялась, а в неблагоприятных местностях даже упала до 64 %.

Академик князь Тарханов в статье “Нужды народного питания” дал таблицу потребления пищевых продуктов крестьянами различных стран в денежных единицах на человека в год:

¹¹ Валянский С., Калужный Д. Русские горки. М., 2003. С. 41–42.

	На сумму в рублях			
	Растит. пищи	Животн. пищи	Напитков	Всего
Русские крестьяне	11,76	7,10	1,58	20,44
Немцы	20,96	26,07	23,02	70,05
Французы	27,72	30,04	19,14	76,90
С. американцы	22,72	32,07	22,35	77,14
Англичане	22,89	47,28	31,08	101,25
Французы-канадцы	30,60	61,51	23,91	116,02
Ирландцы	23,04	45,46	28,50	97,00

При введении всеобщей воинской повинности в 1873 году доля признанных негодными к военной службе не превышала 6 % призывников; до 1892 года этот показатель держался около 7 %. Но с 1892 года, когда начались финансово-экономические реформы, эта доля стала быстро повышаться. В 1901-м доля негодных к службе призывников достигла уже 13 %, несмотря на то, что именно в это время требования, предъявляемые к новобранцам в отношении роста и объёма грудной клетки, были понижены. Показательно, что смертность в российской деревне была выше, чем в городе, хотя в европейских странах наблюдалась обратная картина»¹². А в начале 10-х годов браковали уже около половины рекрутов, хотя требования к тому времени были снижены.

Столыпин попытался было как-то разрулить ситуацию, стимулировав расслоение крестьянства, – но поздно! Этот узел уже не развязывался, Петр Аркадьевич опоздал со своими реформами ровно на полвека. Если бы такие условия установить одновременно с отменой крепостного права! – но тогда власти, озабоченной тем, чтобы как можно больше смягчить удар по дворянству, было не до будущего аграрного сектора экономики. А в 1906 году оказалось уже безнадежно поздно.

Село к тому времени страдало от чудовищной перенаселенности, а развитие промышленности в городах было недостаточным, чтобы хоть как-то эту перенаселенность смягчить. И тормозилось оно в первую очередь отсутствием платежеспособного спроса. Нищее население старалось все, что только возможно, изготовить своими руками, покупая лишь самое необходимое. Да и то большинство купленного ими изготавливалось ремесленниками в том же селе.

Столыпин предполагал, что из общины будут выделяться самые богатые и самые бедные крестьяне, богатые купят землю у бедных, укрепятся и станут чем-то вроде фермеров, а бедные уедут в города. И действительно, к 1915 году из общины вышло около четверти крестьянских дворов – в основном это были бедняки, которые, едва получив наделы в собственность, тут же их продавали, как восемьдесят лет спустя продавали ваучеры. Это у Столыпина получилось. Но зажиточные крестьяне оказались слишком слабы, чтобы стать по-настоящему крупными хозяевами. Деревня не осилила реформу.

Первый ее результат был следующим: «Количество лошадей в расчёте на 100 жителей в европейской части России **сократилось** с 23 в 1905 году до 18 в 1910-м. Количество крупного рогатого скота – соответственно с 36 до 26 голов. Средняя урожайность зерновых **упала** с 37,9 пуда с десятины в 1901–1905 годах до 35,2 пуда в 1906–1910 годах. Производство зерна на душу населения **снизилось** с 25 пудов в 1901–1905 годах до 22 пудов в 1905–1910 годах»¹³. Немного вырос средний доход на душу сельского населения, но деньги – лукавый показатель. Тем более что правительство отменило наконец выкупные платежи, да и мировая цена на хлеб к тому времени подросла.

¹² Валянский С., Калужный Д. Русские горки. М., 2003. С. 60–62.

¹³ Валянский С., Калужный Д. Русские горки. М., 2003. С. 67.

Вторая главная цель реформы – уменьшить численность сельского населения – тоже не была, да и не могла быть достигнута. Доля сельского населения к 1913 году снизилась до 82 %, однако легче от этого не стало, потому что абсолютная численность продолжала расти – начиная с 1898 года она увеличилась на 22 млн человек. Идея переселения в Сибирь, столкнувшись с традиционным российским бардаком, наводнила страну бродягами. Экономически и психологически слабые переселенцы сплошь и рядом, не сумев устроиться на новом месте, возвращались обратно, уже вконец разоренные – и можно себе представить, с каким настроением! Кроме того, в России не было достаточно рабочих мест в промышленности и жилья в городах, чтобы принять мигрантов из деревни, а власть, естественно, не озаботилась их созданием. Из деревни в город за годы реформ переселились всего около 3 миллионов человек, причем далеко не лучших представителей сельского мира. Деревню покидали самые бедные, неспособные, не умеющие выжить в новых условиях даже на селе – а в городах ведь жизнь была еще труднее. И неудивительно, что три миллиона крестьян, не сделавших бы погоды в деревне, перебравшись в город, превратились в три миллиона маргиналов и пролетариев, которым было абсолютно нечего терять, – идеальное сырье для любой революции.

Может быть, лет через двадцать, после того как миллионов двадцать человек перемерет с голоду, у нас могло бы появиться на селе что-то приличное. Но двадцати лет на реформы у России не просматривалось ни в какой перспективе. Даже если бы не было войны, она едва ли вынесла бы такое количество маргиналов и все равно рухнула в бездну голодных бунтов и великой русской смуты. Потому что – поздно! Болезнь уже не поддавалась терапевтическому лечению. Теперь этот узел можно было только разрубить. А орудия, чтобы разрубить, власть в руках не имела, да и силы такой у нее не было. И весь этот запекшийся клубок рухнул на плечи новой власти.

Но если бы это было все наследство – так о чем и речь!

Куда ведут графики роста?

*Англичанин-мудрец, чтоб работе помочь,
Изобрел за машиной машину.
А наш русский мужик, коль работать невмочь,
Он затянет родню «Дубицу».*

Из песни

Примерно к концу 80-х годов XIX столетия Россия наконец добралась до капитализма. Ее промышленное производство стало бурно расти – темпами, самыми быстрыми в мире. Впрочем, темп – это весьма относительный критерий, поскольку жестко привязан к стартовой цифре. И если она близка к нулю, то при очень высоких темпах могут быть очень грустные абсолютные показатели.

На том, первом, этапе промышленность тянула за собой быстро развивающееся железнодорожное строительство, и вперед вырвалась тяжелая индустрия. Но уже к концу 90-х годов подъем сменился кризисом, продолжавшимся примерно до 1903 года, потом ситуация стала потихоньку выправляться, и в 1910 году пошел новый рывок. Это в общем. Посмотрим теперь конкретные цифры: как выглядел этот самый промышленный подъем.

Составители энциклопедического словаря «Россия» (1898 г.) знаменитые Брокгауз и Ефрон – люди честные, но немножко лукавые и старательно обходят некоторые неудобные моменты. Например, когда надо рассказать о структуре российской промышленности...

В 1896 году структура промышленного производства в Российской империи представляла собой мечту «перестройщика» – абсолютнейшее преобладание так называемых «това-

ров народного потребления», или, пользуясь терминологией советского времени, «группы Б». По стоимости произведенной продукции на первом месте стоит мануфактура – то есть обработка волокнистых материалов, от хлопка до джута – 851 млн руб., или 31 % валовой продукции российской промышленности. Затем следует обработка питательных веществ, или пищевая промышленность – 722 млн (26 %). А вот дальше начинается лукавство. Третье место – 614 млн (22 %) занимает «горная и горнозаводская промышленность, со включением обработки металлов и машиностроения». Вот и понимай, как хочешь: сколько тут добывающей промышленности, сколько обрабатывающей, а сколько собственно машиностроения. Дальше идут уже разные мелочи, вроде обработки животных продуктов (117 млн), деревообрабатывающей промышленности (91 млн), керамики, химической промышленности и пр.

Собственно машиностроение отыскать все же удалось, хотя и совсем в другом разделе. Причем предваряется искомая цифра совершенно замечательным предисловием – и не надо говорить, что этот стиль придумала советская эпоха, ну не надо, а?!

«Машиностроение в России далеко еще не удовлетворяет спросу. Главной задерживающей причиной является не столько таможенно-тарифная система, сколько трудность конкуренции с иностранным производством. Машиностроение становится выгодным при массовом производстве однородного товара. Страны, завоевавшие себе в этой области известность, производят машины не только для себя, но и для распространения их по обширному всемирному рынку. Только благодаря массовому производству постройка машин обходится настолько дешево, что они могут выдерживать самые высокие пошлины»¹⁴. В переводе из стиля «все хорошо, прекрасная маркиза» на обыкновенный русский язык это означает, что с «группой А» в России хреново, а протекционистской политикой, вроде регулирования таможенных тарифов, власть также не озаботилась.

Затем приводятся таблицы ввоза машин, и вот наконец в самом конце раздела – собственное производство: 1896 г. – 136 424 тыс. руб., или около 5 % общей промышленной продукции. В том же году было ввезено машин на 65 361 тыс. руб., т. е. еще 2,5 %. И это в условиях «бурного роста»!

Теперь посмотрим, как у нас обстоят дела в области черной металлургии. Это видно из таблицы мирового производства чугуна и стали (данные приводятся в млн пудов).

Чугун

	1870	1880	1890	1898
Мировое производство	738	1125	1686	2227
Россия	22 (3 %)	27 (2,4 %)	57 (3,4 %)	134 (6 %)
Великобритания	370	480	488	536
Франция	72	105	120	155
Германия	85	167	283	452
Австрия	28	28	48	60
Соед. Штаты	103	238	571	730

Сталь

¹⁴ Россия. Энциклопедический словарь. СПб., 1898; Л., 1991. С. 306.

	1870	1880	1890	1898
Мировое производство	43	261	738	1469
Россия	0,5 (1,1 %)	19 (7 %)	23 (3 %)	70 (5 %)
Великобритания	18	81	222	283
Франция	5	24	35	88
Германия	10	43	132	350
Бельгия	0,5	10	12	40
Соед. Штаты	4	77	265	552

Тут интересен даже не столько «русский процент», сколько доля в мировом производстве Великобритании и Германии, ни по размерам, ни по населению, ни по ресурсам не сопоставимых с Россией. США производили еще больше, но они по крайней мере хотя бы сравнимы с нами по всем этим показателям. При этом надо не забывать, что большинство металла в России съедали железные дороги. Так, в 1881 году было произведено стальных рельсов и прочих железнодорожных причиндалов 12 612 тыс. пудов (около $\frac{2}{3}$ произведенной в России стали), а в 1896 г. – 24 300 тыс. пудов (около $\frac{1}{3}$).

Взглянем теперь на структуру внешней торговли Российской империи.

Первое место среди экспортных товаров занимал хлеб – большей частью пшеница, которую и растили в основном на вывоз, ибо население питалось черным хлебом. Еще торговали лесом, нефтепродуктами, яйцами. Практически не вывозили никаких готовых изделий – в 1898 году они составляли всего 4 % от экспорта, и то еще вопрос – что это были за изделия. Вполне возможно, что какая-нибудь «раши экзотика». В том же году в структуре импорта 54 % составляли сырье и полуфабрикаты (в основном хлопок и металлы), 17,5 % – «жизненные припасы», то есть продовольствие, и 28 % – готовые изделия (машины).

Для примера приведем несколько цифр из того же энциклопедического словаря «Россия».

Основные показатели торговли с Германией на 1898 год.

Экспорт: хлеб (63 030 тыс. руб.), лен (13 945 тыс. руб.), лес (22 920 тыс. руб.), яйца (10 372 тыс. руб.), пенька, живая птица, кожи, шетина. Импорт: машины (36 206 тыс. руб.), пряженная шерсть (10 560 тыс. руб.), железные и чугунные изделия (7049 тыс. руб.).

С Англией. Экспорт: хлеб (64 993 тыс. руб.), лес (20 676 тыс. руб.), лен, яйца, нефтепродукты. Импорт: машины (25 781 тыс. руб.), чесаная шерсть, бумажная пряжа, железные и стальные изделия.

Во Францию предметы экспорта те же самые, причем хлеба в 1897 году было поставлено на 38 831 тыс. руб., а импорт составляют в основном вино, шелк и шерсть. В остальные европейские страны вывозится примерно то же самое. С Востоком – свои отношения, но ни в одну страну мира, даже в отсталый Китай или в Персию, Россия не вывозит машины.

Как видим, наши взаимоотношения с соседями вполне конкретные: Россия действительно была житницей Европы и еще немножко сырьевым придатком. С той только поправкой, что вывозила она не от избытка, а при том, что существование большей части населения колебалось между недоеданием и голодом.

Но и это еще не все. Производство любой продукции естественным образом ограничивается платежеспособным спросом, который у большинства населения России был катастрофически низок. Страна практически не вывозила никакой готовой продукции, стало быть, вся она шла на внутренний рынок. В конце 1890-х годов почти две трети промышленного производства составляли текстильная и пищевая промышленности, причем последняя разнообраз-

разием не блистала: около 40 % приходилось на мукомольное производство¹⁵, около 20 % – на сахарную промышленность, на третьем месте стояло винокурение и водочное производство, затем производство масла... ну и все, пожалуй! Все эти позиции практически полностью отсутствуют в экспорте – то есть потребляются внутри страны. Около половины продукции российской промышленности и соответственно потребления – это ткани, мука, сахар, алкоголь. Означать такой перекокс может только одно: эти продукты потребляла деревня, по причине крайней нищеты покупавшая лишь самое необходимое. У горожанина, даже при очень большой бедности, ассортимент покупок куда более разнообразен, но городское население в то время составляло лишь 13 % населения страны, или около 16 миллионов человек, да еще и многие из так называемых «горожан» имели подсобное хозяйство и мало чем в этом смысле отличались от крестьян.

И что же у нас получается? А получается совершеннейший парадокс: огромная сельскохозяйственная страна не держалась на аграрном секторе, а, наоборот, работала на него. Ну и какой при таких условиях может быть промышленный подъем?

Предвоенная российская промышленность вообще представляет собой один сплошной парадокс. В 1913 году Россия по объему промышленного производства занимала пятое место в мире, ее доля в мировом производстве была 4 %, но этот показатель достигался в основном по причине огромных размеров и численности населения. А на душу населения Англия и США производили продукции больше в 14 раз, а Франция – в 10 раз. Зато по концентрации производства Россия была на одном из первых мест в мире! «Мелкие предприятия, с числом рабочих до 100 человек, охватывали в 1914 году в Соединенных Штатах 35 % общего числа промышленных рабочих, а в России – только 17,8 %. При приблизительно одинаковом удельном весе средних и крупных предприятий, в 100—1000 рабочих, предприятия-гиганты, свыше 1000 рабочих каждое, занимали в Штатах 17,8 % общего числа рабочих, а в России – 41,4 %! Для важнейших промышленных районов последний процент еще выше: для Петроградского – 44,4 %, для московского – даже 57,3 %. Подобные же результаты получаются, если сравним русскую промышленность с британской или германской»¹⁶.

Как такое может быть? С одной стороны, крестьянская страна с сельскохозяйственным производством на уровне феодализма, с другой – рекордное количество крупных предприятий. Только одним образом: если промышленность не выросла в результате естественного развития страны, а была импортирована. Тот же Троцкий пишет: «Тяжелая промышленность (металл, уголь, нефть) была почти целиком подконтрольна иностранному финансовому капиталу, который создал для себя вспомогательную и посредническую систему банков в России. Легкая промышленность шла по тому же пути. Если иностранцы владели в общем около 40 % всех акционерных капиталов России, то для ведущих отраслей промышленности этот процент стоял значительно выше». Уже в конце XIX века 60 % капиталовложений в российскую тяжелую промышленность и горное дело были заграничными. Англо-французский капитал контролировал 72 % производства угля, железа и стали, 50 % нефти. Иностранцы вкладывали деньги в то, что им было нужно, развивая не экономику в комплексе, а отдельные отрасли – попросту пользуясь тем, что труд в России дешевле, чем в Европе. Формально их предприятия входили в российскую экономику, а фактически иностранцы использовали страну как колонию, производя нужные им товары и качая прибыли.

«Можно сказать без всякого преувеличения, что контрольный пакет акций русских банков, заводов и фабрик находился за границей, причем доля капиталов Англии, Франции и

¹⁵ Цифры приводятся не по таблице, а по диаграмме, поэтому они весьма приблизительны.

¹⁶ Троцкий Л. История русской революции. Т. 1. М., 1997. С. 39–40.

Бельгии была почти вдвое выше доли Германии»¹⁷. Зная это, стоит ли обсуждать, почему Россия вступила в Первую мировую войну? А что ей оставалось, если хозяева решили воевать?

Ну и какое будущее ожидало страну с такой экономикой, даже если бы не было войны? Только одно: промышленный подъем уперся бы в отсутствие платежеспособного спроса и прекратился сам собой. Ну, выжили бы отрасли, работающие на границу, – нам-то что с этого? А затем Россию потихоньку обкусали бы соседи по «мировому сообществу» – сначала экономическое проникновение, потом полукOLONизация, потом полная колонизация пополам с аннексией. В случае войны произошло бы то же самое, только быстрее.

«Думская делегация, нанеся дружественные визиты французам и англичанам, могла без труда убедиться в Париже и Лондоне, что дорогие союзники намерены во время войны выжать из России все жизненные соки, чтобы после победы сделать отсталую страну полем своей экономической эксплуатации. Разбитая Россия на буксире победоносной Антанты означала бы колониальную Россию»¹⁸.

И как только наступит удобный момент, они попытаются уже прямой военной силой приобрести себе русские колонии. В этом, а вовсе не в идеологическом или мировоззренческом противостоянии смысл Гражданской войны.

Город – ад на земле

*Только нам гулять не довелось
По полям, по нивам золотым:
Целый день на фабриках колеса
Мы вертим – вертим – вертим!..
...Бесполезно плакать и молиться,
Колесо не слышит, не щадит:
Хоть умри – проклятое вертится,
Хоть умри – гудит – гудит – гудит!..
Где уж нам, измученным в неволе,
Ликовать, резвиться и скакать!
Если бы нас теперь пустили в поле,
Мы в траву попадали бы – спать!*

Николай Некрасов. Плач детей

До столыпинских реформ мужик, окончив полевой сезон, отправлялся на заработки в город – на фабрику или на строительство. Явление это было настолько массовым, что многие фабричные предприятия на лето закрывались – рабочие расходились по деревням поголовно. Естественно, фабрикант, как мог, экономил на заработках и на жилье сезонников, и они все это терпели, поскольку воспринимали свое положение как временное.

Но реформы вышибали людей из деревни в город уже на постоянное жительство – а фабрикант, естественно, привык экономить на жилье, пище и зарплате рабочих и расставаться с такими приятными для себя привычками не спешил. И люди, составлявшие едва формирующийся рабочий класс России, перебравшись из деревни, где им не было места, в город, попадали в совершенно нечеловеческие условия нарождающегося капитализма.

К началу XX века в России сформировался новый слой общества, совершенно особый, какого раньше не бывало, – тот, что социал-демократы точно и метко прозвали рабочим классом, ибо жили эти люди как рабочий скот – трудились за кормежку и крышу над головой.

¹⁷ Троцкий Л. История русской революции. Т. 1. М., 1997. С. 40.

¹⁸ Там же. С. 56.

Некий инженер Голгофский в докладе на торгово-промышленном съезде в Нижнем Новгороде в 1896 году с точностью художника этот слой обрисовал: «Проезжая по любой нашей железной дороге и окидывая взглядом публику на станциях, на многих из этих последних невольно обращает на себя ваше внимание группа людей, выделяющихся из обычной станционной публики и носящих на себе какой-то особый отпечаток. Это – люди, одетые на свой особый лад; брюки по-европейски, рубашки цветные навыпуск, поверх рубашки жилетка и неизменный пиджак, на голове – суконная фуражка; затем – это люди по большей части тощие, со слаборазвитой грудью, с бескровным цветом лица, с нервно бегающими глазами, с беспечно ироническим на все взглядом и манерами людей, которым море по колено и нраву которых не препятствуй... Незнакомый с окрестностью места и не зная его этнографии, вы безошибочно заключите, что где-нибудь вблизи есть фабрика...»¹⁹

По официальным данным (которые несколько меньше неофициальных, ибо «черный рынок» труда существовал и тогда), в 1886 году рабочих в России было 837 тысяч, в 1893 году – около 1200 тысяч и в 1902 году – 1700 тысяч человек. Столыпинские реформы еще подтолкнули процесс. Вроде бы не так много их было – ведь население страны тогда составляло 125 миллионов. Однако новый класс с самого начала вступил с породившим его обществом в отношения особые и своеобразные.

«В нашей промышленности преобладает патриархальный склад отношений между хозяином и работником. Эта патриархальность во многих случаях выражается заботами фабриканта о нуждах рабочих и служащих на его фабрике, в попечениях о сохранении ладу и согласия, в простоте и справедливости во взаимных отношениях. Когда в основе таких отношений лежит закон нравственности и христианского чувства, тогда не приходится прибегать к писаному закону...»

Из секретного циркуляра,
разосланного фабричной инспекции 5 декабря 1895 года.

Похоже, что автор писал сей циркуляр под диктовку своей жены из числа дам-попечительниц о народной нравственности, питавшейся исключительно душеспасительными книжками. Поскольку одни лишь люди такого сорта могут предполагать, что в основе отношений между трудом и капиталом лежит «закон нравственности и христианского чувства». Но когда знакомишься с реальным положением дел в этой области, приходится вспоминать не Христа, а Карла Маркса: нет таких преступлений, на которые не пойдет капитал ради процента прибыли. Впрочем, и Христа тоже: «Легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому попасть в Царство Небесное».

Сейчас говорят, что рабочие до революции жили хорошо. Иной раз ссылаются и на Хрущева, который в 30-е годы как-то в порыве откровенности сказал, что-де он, когда был слесарем, жил лучше, чем когда стал секретарем МК. Может статья, и так. Особенно учитывая, что в качестве секретаря МК он был на глазах у Политбюро, а тогдашнее Политбюро партиям воли по части приобретательства не давало. Еще приводят в подтверждение данные о соотношении цен и зарплат, рассказывают о Путиловском заводе и Прохоровской мануфактуре, об отцах-фабрикантах и добром царе, который вводил рабочие законы. Да, все это было. Иные рабочие и детей в гимназиях учили, тот же друг Сталина Аллилуев, например, – зарплата позволяла. Но судить об уровне жизни российского рабочего по положению тончайшего слоя квалифицированной «рабочей аристократии» – все равно что судить о жизни СССР 70-х годов по коммунистическому городу Москве. Отъедешь от Москвы всего ничего, хотя бы до Рязани – а там уже колбасы нет.

¹⁹ Пажитнов К. Положение рабочего класса в России. СПб., 1908. С. 168.

Были и «отцы-фабриканты», один на сотню или же на тысячу – Николай Иванович Путилов еще в 70-е годы XIX века с мастерами здоровался за руку, открыл для рабочих школу, училище, больницу, библиотеку. Да, был Путилов и был Прохоров, но был и Хлудов – о нем и его «отеческом попечении» мы еще расскажем. Но если о 999 прочих умолчать, а о Путилове рассказать, то получится доподлинно «золотой век».

...Среди моих домашних «ужасиков» не последнее место занимает исследование К.А. Пажитнова «Положение рабочего класса в России», 1908 года выпуска, которое в свою очередь содержит анализ многочисленных отчетов фабричных инспекторов и прочих исследователей и проверяющих. Чтение, надо сказать, не для слабонервных.

С чего бы начать? Одной из главных приманок большевиков был лозунг восьмичасового рабочего дня. Каким же он был до революции? Большая часть относительно крупных фабрик и заводов работала круглосуточно – в самом деле, не для того хозяин дорогие машины покупал, чтобы они по ночам стояли. Естественно, так работали металлурги с их непрерывным циклом, а кроме того, практически все прядильные и ткацкие производства, заводы сахарные, лесопильные, стеклянные, бумажные, пищевые и пр.

На фабриках и заводах с посменной работой естественным и самым распространенным был 12-часовой рабочий день. Иногда он являлся непрерывным – это удобно для рабочего, но не для фабриканта, потому что к концу смены рабочий уставал, вырабатывал меньше и был менее внимателен, а значит, и продукт шел хуже. Поэтому часто день делился на две смены по 6 часов каждая (то есть шесть часов работы, шесть отдыха и снова шесть работы). Товар при этом шел лучше, правда, рабочий при таком режиме «изнашивался» быстрее – но кого это, собственно, волновало? Эти изотрутся – наберем новых, только и всего!

Но и это еще не самый худший вариант. А вот какой порядок был заведен на суконных фабриках. Дневная смена работала 14 часов – с 4.30 утра до 8 вечера, с двумя перерывами: с 8 до 8.30 утра и с 12.30 до 1.30 дня. А ночная смена длилась «всего» 10 часов, но зато с какими извращениями! Во время двух перерывов, положенных для рабочих дневной смены, те, что трудились в ночную, должны были просыпаться и становиться к машинам. То есть они работали с 8 вечера до 4.30 утра, и, кроме того, с 8 до 8.30 утра и с 12.30 до 1.30 дня. А когда же спать? А вот как хочешь, так и выспайся!

12-часовой рабочий день существовал на достаточно крупных предприятиях, с использованием машин. А на более мелких кустарных заводиках, где не было посменной работы, хозяева эксплуатировали рабочих кто во что горазд. Так, по данным исследователя Янжула, изучавшего Московскую губернию, на 55 из обследованных фабрик рабочий день был 12 часов, на 48 – от 12 до 13 часов, на 34 – от 13 до 14 часов, на 9 – от 14 до 15 часов, на двух – 15,5 часа и на трех – 18 часов. Как можно работать 18 часов?

«Выше 16 и до 18 часов в сутки (а иногда, хотя трудно поверить, и выше) работа продолжается постоянно на рогожных фабриках и периодически – на ситцевых... а нередко достигает одинаковой высоты рабочее время при сдельной работе на некоторых фарфоровых фабриках.

Из Казанского округа сообщается, что до применения закона 1 июня 1881 г. работа малолетних (до 14 лет! – Е.П.) продолжалась на некоторых льнопрядильных, льноткацких фабриках и кожевенных заводах 13,5 часа, на суконных фабриках – 14–15 часов, в сапожных и шапочных мастерских, а также маслобойнях – 14 часов...

Рогожники г. Рославля, например, встают в час полуночи и работают до 6 часов утра. Затем дается полчаса на завтрак, и работа продолжается до 12 часов. После получасового пере-

рыва для обеда работа возобновляется до 11 часов ночи. А между тем, почти половина работающих в рогожных заведениях – малолетние, из коих весьма многие не достигают 10 лет»²⁰.

Предприятий, где продолжительность рабочего дня была более 12 часов, насчитывалось в 80-е годы около 20 %. И даже при таком рабочем дне фабриканты практиковали сверхурочные по «производственной необходимости». То время, которое рабочий тратил на уборку рабочего места, на чистку и обслуживание машин, в рабочий день не входило и не оплачивалось. А иной раз хозяин воровал у работников время по мелочам – на нескольких прядильных фабриках были обнаружены особые часы, которые в течение недели отставали ровно на час, так что продолжительность трудовой недели получалась на час больше. Рабочие своих часов не имели и, даже если знали о таких фокусах хозяев – то что они могли сделать? Не нравится – пожалуйте за ворота!

В среднем по всем обследованным производствам продолжительность рабочей недели составляла 74 часа (тогда как в Англии и в Америке в то время она была 60 часов). Никакого законодательного регулирования продолжительности рабочего дня не существовало – все зависело от того, насколько жажда наживы хозяина перевешивала его совесть.

Точно так же от совести хозяина зависела и выплата заработанных денег. Мы привыкли получать зарплату раз в месяц, а то и два – а если на неделю задержат, так это уже вроде бы ущемление прав. А тогда на многих производствах деньги выдавались не каждый месяц, а когда хозяину на ум взбредет. «Взбрело» обычно под большие праздники, а то и вообще два раза в году – на Рождество и на Пасху. Как мы увидим чуть ниже, у такой практики был свой шкурный интерес.

Контора платила рабочим когда хотела, не признавая за собой никаких обязательств, зато рабочий был опутан договором, как сеть. Так, на фабрике Зимина (Московская губерния) за требование расчета раньше срока рабочий лишался полутора рублей за каждый оплачиваемый месяц. На химическом заводе Шлиппе у пожелавших уйти вычитали половину, а на бумагопрядильной фабрике Балина и Макарова «рабочие и мастеровые, поступившие на фабрику с Пасхи, все обязаны жить до октября месяца, а ежели кто не пожелает жить до срока, то лишается всех заработанных денег». Не говоря уже о том, что администрация могла уволить работника когда сама пожелает – за собой она никаких обязательств не признавала. Если это и можно признать «отеческим» отношением, то разве что в духе диких народов: «Мой сын – мое имущество: хочу – продам, хочу – сам съем».

Такой порядок расчета давал фабрикантам еще одну дополнительную, но весьма приятную статью дохода. Поскольку расчет рабочий получал лишь в конце срока найма или как хозяин соизволит, то денег у него не было – а кушать ведь хочется каждый день! И тут на сцену выходили фабричные магазины, где можно было брать продукты в долг под зарплату. Естественно, цены в этих магазинах были на 20–30 % (в лучшем случае) выше, чем в городе, а товар завозился самого дурного качества. Монополия-с....

Теперь о заработной плате – ведь человек может работать в любых условиях и не жаловаться, если ему хорошо платят. В 1900 году фабричная инспекция собрала статистику средних зарплат по отраслям. А то у нас любят с цифрами в руках доказывать, что рабочие жили хорошо, – берут высококвалифицированного слесаря или токаря и показывают: вот столько он зарабатывал, а вот столько стоил хлеб... Забывая, что кроме слесарей были ведь еще и чернорабочие.

Итак, в машиностроительном производстве и металлургии рабочие получали в среднем 342 рубля в год. Стало быть, в месяц это выходит 28,5 рубля. Неплохо. Но, обратившись к легкой промышленности, мы видим уже несколько иную картину. Так, обработка хлопка (пря-

²⁰ Пажитнов К. Положение рабочего класса в России. СПб., 1908. С. 54.

дильные и ткацкие мануфактуры) – 180 рублей в год, или 15 в месяц. Обработка льна – 140 рублей в год, или 12 в месяц. Убийственное химическое производство, рабочие на котором до старости не доживали, – 260 рублей в год, или 22 в месяц. По всей обследованной промышленности средняя зарплата составляла 215 рублей в год (18 в месяц). При этом платили неравномерно. Заработок женщины составлял примерно $\frac{3}{5}$ от уровня взрослого мужчины. Малолетних детей (до 15 лет) – $\frac{1}{3}$. Так что в среднем по промышленности мужчина зарабатывал 20 рублей в месяц, женщина – 12, а ребенок – около семи. Повторяем – это средний заработок. Были больше, бывали и меньше.

Теперь немножко о ценах. Угол, то есть место на койке, в Петербурге стоил 1–2 рубля в месяц, так называемая «каморка» (это не комната, как можно бы подумать, а кусочек комнаты, разгороженной фанерными перегородками, что-то вроде знаменитого общежития из «Двенадцати стульев») стоила 5–6 рублей в месяц. Если рабочие питались артелью, то на еду уходило самое меньшее 6–7 рублей в месяц на человека, если поодиночке – более семи. Одиночка, при среднем заработке, мог прожить, но ведь любому человеку свойственно стремиться создать семью – и как прикажете ее кормить на такой заработок? Поневоле дети рабочих с 7–10 лет тоже шли работать. Причем женщины и дети составляли категорию самых низкооплачиваемых рабочих, оттого-то потеря кормильца была уже не горем, а трагедией для всей семьи. Хуже смерти была только инвалидность, когда отец работать не может, а кормить его надо.

Да, кстати, еще штрафы мы забыли! Как вы думаете, за что штрафовали? Во-первых, естественно, за опоздание. Завод Мартына (Харьковский округ): за опоздание на 15 минут вычитается четверть дневного заработка, на 20 минут и более – весь дневной заработок. На писчебумажной фабрике Панченко за час опоздания вычитается как за два дня работы. Но это как бы строго, однако понятно. А как вы думаете, за что еще штрафовали? Впрочем, тут современной фантазии не хватит, чтобы такое придумать, надо доподлинно быть «отцом» рабочих. Фабрика Пешкова: штраф в один рубль, если рабочий выйдет за ворота (в нерабочее время, ибо выход за ворота фабрики был вообще запрещен!). Мануфактура Алафузова (Казань): от 2 до 5 рублей, если рабочий «прошелся, крадучись, по двору». Другие примеры: 3 рубля за употребление неприличных слов, 15 копеек за нехождение в церковь (в единственный выходной, когда можно поспать!). А еще штрафовали за перелезание через фабричный забор, за охоту в лесу, за то, что соберутся вместе несколько человек, что недостаточно деликатно рабочий поздоровался и пр. На Никольской мануфактуре благодетеля нашего Саввы Морозова штрафы составляли до 40 % выдаваемой зарплаты, причем до выхода специального закона 1886 года они взыскивались в пользу хозяина. Надо ли объяснять, как администрация старалась и как преуспевала в самых разнообразных придириках?

Ну, переведем дух и двинемся дальше. Об условиях труда и быта рабочих – отдельный разговор. Об охране труда в то время говорить вообще почти не приходилось – это относилось всецело на христианское чувство хозяина. (Кстати, в случае увечья рабочего он ничем не отвечал: может кинуть пособие, а может прогнать за ворота – и живи, как знаешь.)

В царстве Польском по части условий труда было, пожалуй, самое лучшее положение в Российской империи. И вот что пишет фабричный инспектор Харьковского и Варшавского округов Святловский, который лично осмотрел 1500 (!) предприятий со 125 тыс. рабочих – то есть в основном мелких. «Относительно рабочих помещений можно принять за правило следующее положение: если во вновь воздвигаемых фабриках далеко не всегда обращается внимание на требования строительной гигиены, то в старых фабриках и, особенно, в мелких заведениях эти требования всегда и благополучно игнорируются, и нигде не имеется приспособлений ни для вентиляции, ни для удаления пыли»²¹. Так, сушильни на махорочных фабри-

²¹ Пажитнов К. Положение рабочего класса в России. СПб., 1908. С. 18.

ках таковы, что даже привычного рабочего, который пробыл там 15 минут, иной раз вытаскивали в глубоком обмороке. «При входе в сушильную дух захватывает почти в той же мере, как и при входе в помещение химических заводов, где вырабатывается соляная кислота».

Да, кстати, химические заводы – вот где были настоящие фабрики смерти. Московская губерния (относительно цивилизованная): «На химических заводах в подавляющем большинстве случаев воздух отравляется различными вредными газами, парами и пылью. Эти газы, пары и пыль не только вредят рабочим, причиняя более или менее тяжкие болезни от раздражения дыхательных путей и соединительной оболочки глаз и влияя на пищеварительные пути и зубы, но и прямо их отравляют... На зеркальных мелких заводах рабочие страдают от отравления ртутными парами. Это обнаруживается в дрожании рук, в общем упадке питания и дурном запахе изо рта». Кстати, один из таких заводов – по производству свинцовых белил – красочно описан Гиляровским в очерке «Обреченные».

Фабрики тогдашние мало походили на нынешние, где, даже если есть проблемы с вентиляцией, то по крайней мере достаточно самого воздуха. Но исследователи условий труда на кустарных и полукустарных производствах, таких, как табачные, спичечные фабрики и пр., пришли в ужас, когда измерили, сколько воздуха приходится на одного работающего. Получалось иной раз половина, а иной раз и треть кубической сажени (сажень – около 2 метров, соответственно кубическая сажень – около 8 куб. метров). При этом единственной вентиляцией зачастую служила открытая дверь и форточка в окне, которую рабочие закрывали по причине сквозняков.

Ну а теперь дадим слово самим фабричным инспекторам. Вот все о тех же несчастных рогожниках (более половины работающих – дети!) «На всех фабриках без исключения мастерские дают на каждого рабочего, или, вернее, живущего, менее принятой нами нормы в 3 куб. сажени, а $\frac{2}{3}$ из них дают менее 1 куб. сажени на человека, не считая при том массы воздуха, вытесняемого мочалой и рогожами. На 7 кожевенных заводах было найдено отопление “почерному” – без труб. Из 1080 фабрик Московской губернии периодическое (!) мытье полов существовало только на трех!»

«Работа в паточной (на сахарных заводах. – Е.П.) положительно вызывает особую, чисто профессиональную болезнь, именно нарывы на ногах. В паточном отделении рабочий все время стоит в патоке босиком, причем малейшая ссадина или царапина разъедается, и дело доходит до флегмонозных воспалений. Высокая температура и господствующие сквозняки вызывают ревматические заболевания...»

«В квасильне, где более всего работают дети от 7 лет, у здорового, но непривыкшего человека через четверть часа разболится до обморока голова от невыносимой вони и сырости, которую издает квасящийся уголь... В костопальне дети от 7 лет (которые работают также 12 часов) ходят и распластывают горячую крупку, от которой пыль буквально покрывает их с головы до ног... В прачечной – девочки от 14 лет, совершенно голые, моют грязные от свекловичного сока салфетки в сильно известковой воде, от которой лопаются у них кожа на теле...

К числу наиболее вредных работ на сахарных заводах следует отнести работы с известью, которые состоят в гашении, переноске и разбалтывании извести с водою. Мельчайшие частицы ее носятся в воздухе, покрывают платье и тело рабочих, действуют разрушающим образом на то и другое, разъедают глаза и, несмотря на повязки (российский фабричный «респиратор» – во вредных цехах лица обматывали тряпками. – Е.П.), проникают в легкие и вызывают разного рода легочные страдания...

...Особенно часто плохи на суконных фабриках “мокрые” отделения – это настоящие сырые, промозглые подвалы, а, между тем, полураздетые работницы постоянно ходят из них в сушильную, где температура доходит до 40 °С.

...Существует одна фабрика (Головиной), которая во время работы... ходит ходуном. Для того, чтобы попасть в помещение, где установлены чесальные машины, нужно пролезть через входное отверстие, отстоящее от парового двигателя с его движущимися частями не более, как вершков на 6–7 (около 30 см. – Е.П.); валы расположены на высоте ниже человеческого роста...

...Желудочные скоропреходящие боли (гастралгии) знакомы всем табачным работникам. Это, можно сказать, настоящее профессиональное их заболевание. Вообще нервные страдания (от отравления никотином) так часты на табачных фабриках, что зачастую на вопрос: “Ну, как здоровье?”, получается от рабочих ответ: “Да мы все больны, у всех одышка, у всех головная боль”...

...На перчаточной фабрике Простова пахнет не лучше, чем в общественных и притом никогда не дезинфицируемых писсуарах, потому что кожи на этой фабрике вымачиваются в открытых чанах, наполненных полусгнившей мочой. Мочу доставляют, конечно же, сами рабочие, для чего в помещении в нескольких углах находятся особые чаны, ничем не прикрытые. В небольших кожевенных заведениях люди спят и едят в тех же зловонных мастерских, где воздух не лучше, чем в плохом анатомическом театре...»

Эти доклады относятся к началу 80-х годов XIX века. Но, может быть, за 20 лет что-нибудь изменилось? Посмотрим. Мы снова на сахарном заводе, и снова слово фабричному инспектору. «Работа на заводе продолжается 12 часов в день, праздников не имеют и работают 30 дней в месяц. Почти во всем заводе температура воздуха страшно высокая. Работают голышом, только покрывают голову бумажным колпаком да вокруг пояса носят короткий фартук. В некоторых отделениях, например, в камерах, куда приходится вкатывать тележки, нагруженные металлическими формами, наполненными сахаром, температура доходит до 70 градусов. Этот ад до того изменяет организм, что в казармах, где рабочим приходится жить, они не выносят температуры ниже 30 градусов...» Разница если и есть, то в том, что к тому времени на таких заводах не стало детей. Почему – о том речь впереди...

Особое внимание инспектора обращали на туалеты, или, как тогда говорили, ретирады – на эти заводские заведения трудно было не обратить внимания по причине того, что они сразу же напоминали о себе вездесущим зловонием: «В большинстве случаев это нечто совсем примитивное: какие-то дощатые загородки, общие для обоих полов, часто очень тесные, так что один человек с трудом может пошевелиться в них. На некоторых заводах вовсе не имеется никаких ретирад». В 1882 году доктор Песков, осмотрев 71 промышленное предприятие, лишь на одной Шуйской мануфактуре нашел туалет, более-менее соответствовавший представлениям доктора об отхожем месте, – как он пишет, «целесообразное устройство». Но самый замечательный анекдот произошел на печально знаменитой (мы еще к ней вернемся) Хлудовской мануфактуре. Там, когда фабричный инспектор поинтересовался, почему администрация не принимает никаких мер к улучшению ретирад, получил ответ, что это делается намеренно: «С уничтожением миазмов эти места превратились бы в места отдохновения для рабочих, и их пришлось бы выгонять оттуда силой». Каковы же были хлудовские сортиры, если даже привычный ко всему русский работяга мог выносить их вонь лишь самое краткое время!

Что же касается быта – то человек, не знающий, что такое рабочая казарма, вообще не имеет представления о «России, которую мы потеряли». На многих фабриках рабочие пользовались жильем от хозяина. Иной раз это были домики, где семья могла за сносную плату получить комнату и даже кусок земли под огород, но это было настолько редко, что можно и не учитывать. Так, на Обуховском заводе, одном из крупнейших и богатейших в Петербурге, хорошими помещениями пользовались всего 40 семей из 2 тысяч работающих. Хорошими считались казармы завода Максвелла – правда, там не полагалось отдельных помещений даже

для семейных, а место на койке стоило 2 руб. 25 коп. А вот, например, кирпичные заводы – они группировались по Шлиссельбургскому тракту. Снова слово фабричным инспекторам – лучше, чем они, не скажешь.

«При всяком заводе имеются рабочие избы, состоящие из помещения для кухни и чердака. Этот последний и служит помещением для рабочих. По обеим сторонам его идут нары, или просто на полу положены доски, заменяющие нары, покрытые грязными рогожами с кое-какой одежкой в головах. Полы в рабочих помещениях до того содержатся нечисто, что покрыты слоем грязи на несколько дюймов... Живя в такой грязи, рабочие распложают такое громадное количество блох, клопов и вшей, что, несмотря на большую усталость, иногда после 15–17 часов работы, не могут долго заснуть... Ни на одном кирпичном заводе нет помойной ямы, помой выливаются около рабочих жилищ, тут же сваливаются всевозможные нечистоты, тут же рабочие умываются...»

Теперь о «вольных» жилищах. «На Петербургском тракте квартиры для рабочих устраиваются таким образом. Какая-нибудь женщина снимает у хозяина квартиру, устает кругом стен дощатые кровати, сколько уместится, и приглашает к себе жильцов, беря с каждого из них по 5 коп. в день, или 1 руб. 50 коп. в месяц. За это рабочий пользуется половиной кровати, водою и даровой стиркой».

А вот подлинная клоака, в окрестности пороховых заводов. «В особенности ужасен подвал дома № 154: представляя из себя углубление в землю не менее 2 аршин, он постоянно заливается если не водою, то жидкостью из расположенного по соседству отхожего места, так что сгнившие доски, составляющие пол, буквально плавают, несмотря на то, что жильцы его усердно занимаются осушкой своей квартиры, ежедневно вычерпывая по несколько ведер. В таком-то помещении, при содержании 5,33 куб. сажен (при высоте потолка 2 с небольшим метра это комната площадью около 20 кв. м. – Авт.) убийственного самого по себе воздуха я нашел до 10 жильцов, из которых 6 малолетних (Это он нашел столько. А сколько во время его визита были на работе? – Е.П.)». Что там Достоевский с его «униженными и оскорбленными»? Разве это бедность? Ведь даже нищее семейство Мармеладовых жило хоть и в проходной комнате, но в отдельной, на одну семью, и в доме, а не в подвале – рабочие заводских окраин посчитали бы такие условия царскими!

А теперь, как говорит Пажитнов, «запасемся мужеством и заглянем в глубь России». Мужество, действительно, потребуется – даже и читать про такое существование, если вы, конечно, человек с воображением, жутко. На большинстве фабрик в глубине России помещения для рабочих подразделялись на две категории: казармы и каморки. Что такое казарма, знает каждый, читавший историю ГУЛАГа – это обычный барак с нарами, примерно при той же или большей тесноте. Но у эка по крайней мере было свое отдельное место на нарах, а у рабочего не было – нары, как и цеха, использовались в две смены. Каморки – это тот же барак, но поделенный на отдельные клетушки – такое жилье предназначается для семейных рабочих. Только не стоит думать, что в комнате помещается по одной семье – обычно по две-три, но иной раз и до семи. Однако даже таких каморок для семей не хватает – что за народ такой, нет чтобы в поте лица добывать хлеб и на этом успокоиться, а им еще какой-то там личной жизни хочется! Совсем разбаловались!

В ожидании своей очереди на кусок комнаты семейные пары размещаются все в тех же казармах. В этих случаях они отделяют свои места на нарах занавесками. «Иногда фабриканты идут навстречу этому естественному стремлению рабочих и на помосте нарах делают дощатые перегородки вышиною в полтора аршина (около метра. – Авт.), так что на нарах образуется ряд, в полном смысле слова, стойл на каждую пару». Через некоторое время в ногах такого «жилья» появляется люлька – значит, люди ухитряются еще и заниматься любовью в этом помещении! Воистину, к чему только не приспособится человек...

Наконец, «на большинстве фабрик для многих рабочих, по обыкновению, особых спален не делают». Это значит, что спят рабочие в тех же цехах, где и работают. Ткачи (ручные) спят на станках, столяры – на верстаках, несчастные рогожники – на тех же самых мочалах и рогожах, которые они изготавливают, в тех же сырых и удушливых помещениях. Учитывая, что у рогожников еще и самый длинный в России рабочий день – до 18 часов, то вся жизнь их проходит в этих темных душных цехах. А работают здесь в основном, еще раз напоминаем, женщины и дети.

Доподлинно любимицей господина Пажитнова была хлудовская мануфактура, та самая, где сортиры не чистили, чтобы рабочие в них не отдыхали. «Служа гнездом всякой заразы, миллионная фабрика Хлудова является в то же время образцом беспощадной эксплуатации народного труда капиталом», – так говорится в исследовании земской санитарной комиссии (1880 г.)... «Работа на фабрике обставлена крайне неблагоприятными условиями: рабочим приходится вдыхать хлопчатобумажную пыль, находиться под действием удушливой жары и переносить удушливый запах, распространяющийся из дурно устроенных ретирад. Работа идет днем и ночью, каждому приходится работать 2 смены в сутки, через 6 часов делая перерыв, так что в конце концов рабочий никогда не может выспаться вполне. При фабрике рабочие помещаются в громадном, сыром корпусе, разделенном, как гигантский зверинец, на клетки или каморки, грязные, смрадные, пропитанные вонью отхожих мест. Жильцы набиты в этих каморках, как сельди в бочке. Земская комиссия приводит такие факты: каморка в 13 куб. сажен служит помещением, во время работы, для 17 человек, а в праздники или во время чистки машин – для 35–40 человек...

Эксплуатация детского труда производилась в широких размерах. Из общего числа рабочих 24,6 % составляли дети до 14 лет, 25,6 % составляли подростки до 18 лет. Утомление, сопряженное с трудом на фабрике, было так велико, что, по словам земского врача, дети, подвергавшиеся какому-нибудь увечью, засыпали во время операции таким крепким, как бы летаргическим сном, что не нуждались в хлороформе...

23 января 1882 года хлудовская мануфактура загорелась, и от громадного пятиэтажного корпуса остались одни каменные стены. Впрочем, Хлудов не оказался в большом убытке – он получил 1 миллион 700 тысяч руб. одной страховочной суммы, а потерпевшими оказались те же рабочие. После пожара остались семь возов трупов. По распоряжению директора Миленча, рабочие были заперты в горевшем здании, чтобы не разбежались и лучше тушили пожар, а сторожа снаружи даже отгоняли желавших помочь горевшим...

В заключение можно сказать, что чистый доход равнялся 45 % в год»²². Маркс, кажется, говорил, что нет такого преступления, на которое не пойдет капиталист ради 500 % прибыли? Право, он слишком хорошо думал о людях!

В биографии того же фабриканта Хлудова есть и такой случай: он сделал пожертвование на поддержание типографии, которая печатала богослужебные книги для раскольников-единоверцев, а затем, вернувшись домой, распорядился, в порядке компенсации, снизить своим рабочим жалованье на 10 % – таким было его понимание «христианского чувства».

Пока рабочие были сезонниками, приехавшими в города на заработки, они мирились с таким нечеловеческим существованием. Сто лет спустя многие вахтовики, шабашники и пр. тоже жили если не в таких условиях, то далеко не в самых лучших, и тоже работали по 16 часов и спокойно выдерживали все это, потому что потом возвращались с деньгами к семьям. Но все изменилось, когда рабочие стали отрываться от деревни и это ужасающее существование

²² Пажитнов К. Положение рабочего класса в России. СПб., 1908. С. 13–16.

становилось для них единственным. И тогда в их душах начинали созревать гроздь гнева. А как, скажите, должен реагировать человек, если хозяин жертвует 120 тысяч на типографию, а потом на 10 % урезает нищенское жалование рабочих?

И неправда, что рабочие начали бунтовать, соблазненные социал-демократами и прочими «интеллигентами». Первые стачки проходили сами по себе, тогда, когда эсдеки не только не нашли еще дорогу в рабочие казармы, но когда и эсдеков-то самих не было. Вернемся к нашему любимому герою миллионеру Хлудову. После того как он объявил о десятипроцентном понижении жалования, терпение рабочих лопнуло. Они собрались и потребовали либо расчета, либо отмены сбавки (напомним, что расчет тоже было не просто получить). К толпе вышел хозяйский сын, который в ту пору случился на фабрике, и стал проводить «миротворческую акцию»: с одной стороны, приказал принести орехов и пряников из лавки и стал угощать рабочих, предложив им «погулять», а с другой – тут же послал за урядником. Урядник явился с плетью и начал стегать собравшихся. Возмущенные таким коварством, рабочие урядника избили – после чего были вызваны войска и приехал губернатор. Впрочем, губернатор был человек умный и попытался уладить дело миром, посоветовав Хлудову отменить сбавку. Хозяин согласился было, но тут подоспели солдаты, заняли фабрику, арестовали зачинщиков, и бунт был усмирён. Результат – сбавка стала не 10, а 15 %. Из 2200 человек бастующих 800 были отправлены по этапу «на родину», то есть в деревню, а 11 арестованы. Такими были первые стачки. Но рабочие быстро учились науке забастовок.

Начало 80-х годов было ознаменовано вспышкой стачечного движения, которая принесла результат, и еще какой! Правительство заметило факт существования рабочих!! Государственный совет (!!!) на своем заседании постановил, что «нынешние узаконения о найме рабочих действительно представляют более или менее существенные неудобства». И 1 июня 1882 года был издан закон, запрещающий принимать на фабрики детей моложе 12 лет. Работа подростков от 12 до 15 лет была ограничена 8 часами с запрещением для них ночных работ. Но закон законом, а жизнь жизнью. Хозяева не спешили выполнять новые правила, тем более что и контролировать их было некому. Фабричные инспектора назначались по одному на округ. А округ – это губерния. В 1885 году на одного инспектора с 1–2 помощниками приходилось, в среднем по стране, 1295 предприятий. Много тут наконтролируешь?

...А стачки тем временем продолжались, ибо запреты на работу малолетних, как нетрудно догадаться, не решали всех рабочих проблем. В 1885 году состоялась историческая стачка на мануфактуре благодетеля нашего Саввы Морозова в Орехово-Зуеве, в которой принимало участие 7–8 тысяч человек. Эта стачка отличалась значительно большей организованностью, во многом благодаря тому, что во главе ее стояли рабочие с политическим опытом – Моисеенко и Волков. Тут же были вызваны войска, но они ничего не могли поделать с такой толпой, а стрелять в рабочих не посмели. Все ж таки казаки арестовали 51 человека из рабочих, однако товарищи тут же почти всех отбили. А что самое главное, это был уже не просто стихийный крик по одному какому-то конкретному поводу – впервые рабочие сформулировали и вручили губернатору список требований. В него входили такие пункты, как требование, чтобы штрафы не превышали 5 копеек с заработанного рубля (напоминаем, что на мануфактуре Морозова они доходили до 40 %), чтобы хозяин платил за простой по его вине, чтобы условия найма соответствовали закону и т. д.

Стачки возымели действие: уже 3 июня вышел закон... ну, конечно же, снова о малолетних! Он воспрещал ночную работу подростков до 17 лет. Но 3 июня 1886 года появился наконец и закон о найме рабочих – зато тут же, в порядке компенсации, введено тюремное заключение за стачки на срок от 2 до 8 месяцев. Соединенное действие этих двух правовых актов привело к тому, что стачечное движение пошло на убыль. Чем мгновенно воспользовались хозяева: уже в апреле 1890 года вновь была узаконена ночная работа детей, подростков и женщин. Вообще именно вокруг положения детей на производстве шла основная законода-

тельная борьба, именно право их найма отстаивали хозяева, пользуясь любым спадом стачечного движения. Можно себе представить, насколько выгоден был хозяевам труд детей – дешевой и безответной рабочей силы! Работают они почти так же, как взрослые, платить им можно втрое меньше – и никаких стачек! А рабочие так яростно требовали отмены детского труда тоже не из гуманизма – дети сбивали цену на труд до совсем уж неприличного уровня. Вот и весь секрет борьбы вокруг положения малолетних. И никакая мораль тут ни при чем.

90-е годы вновь ознаменовались подъемом стачечного движения – и снова были изданы некоторые законы в защиту рабочих. Собственно, так все и шло. Ольденбург, автор известного промонархического труда «Царствование Императора Николая II», пишет о законах в защиту малолетних как о добром жесте правительства. Ничего подобного! Каждый такой закон и каждый рубль зарплаты вырывались в борьбе, которая становилась все ожесточеннее. В Лодзинской стачке в 1892 году принимало участие 30 тысяч человек, и закончилась она кровавым столкновением рабочих с войсками. В том же году на заводе Юза на юге России стачечники громили доменные печи и казармы, несколько человек были преданы военному суду и приговорены к смертной казни. В целом с 1895 по 1900 год число стачек ежегодно колебалось в пределах от 120 до 200 (по официальным данным), с числом участников от 30 до 60 тысяч человек. И в наступающем XX веке ничто не обещало успокоения. Рабочие – тоже люди. Они, в отличие от крестьян, каждодневно – или по крайней мере тогда, когда выползали в город – видели другую жизнь. И можно себе представить, сколько злобы было накоплено этими людьми за десятилетия их беспросветного существования. Блок сказал про нее «темная злоба, святая злоба». И должен был, непременно должен настать день, когда морлоки²³ вырвутся из-под земли, и день этот будет страшен!

²³ В 1895 году знаменитый английский писатель-фантаст Герберт Уэллс опубликовал роман «Машина времени». Отправившись в будущее, его герой узнает, что человечество разделилось на два вида. Это элои – хрупкие утонченные аристократы, которые живут в роскошных садах, и морлоки – потомки пролетариев, слепые обитатели подземного мира, представляющего собой огромный завод.

Глава 2

Социология декаданса

Decadentia (лат.) – упадок.

В прошлой главе мы рассмотрели положение российских «низов». Мрачноватая получилась картинка, согласитесь, и не знаю, как вам, но мне не очень-то хочется жить в такой державе. Тем более что по причине безнадежного рабоче-крестьянского происхождения на французские булки мне бы рассчитывать не пришлось. Разве что прадед был каким-то мельчайшим фабрикантом в черте оседлости, но черта оседлости – не то место, куда человек в здравом уме может стремиться. Не зря среди российских радикалов столь непропорционально большое место занимают евреи – их бросил в объятия революции отнюдь не «международный еврейский заговор», а сочетание российских реалий и иудейского закона.

Итак, в результате вышеописанных неустраняемых перекосов к началу XX века горячего материала в Российской империи было накоплено столько, что лишь спичку поднеси – и полыхнет от края до края. Пользуясь ленинской терминологией, «низы» уже не только не хотели, но и не могли жить по-старому. Чисто физически не могли, на уровне инстинкта самосохранения – народ попросту вымирал. Первое свидетельство тому – обвальное снижение числа годных к военной службе в стране, подавляющее большинство населения которой занималось физическим трудом²⁴.

Но, что самое удивительное, и «верхи», «сливки общества», те самые, для которых Россия была полна упоительных вечеров, французских булок, лебедей-саночек и румяных гимназисток, не только не могли, но и не хотели жить по-старому. Правда, как жить по-новому, они не знали, но это не мешало российской верхушке с упоением сверлить дырки в бортах собственного корабля и подрывать корни у того дуба, желудями с которого она питалась. В какой-то наивной вере, что этот корабль не потонет и дерево не упадет, – откуда они взяли столь странные заблуждения, бог весть, но ведь и сверлили, и подрывали...

Интереснейшие мемуары оставил великий князь Александр Михайлович, бывший по своему положению во многое посвященным. Он писал: «Императорский строй мог бы существовать до сих пор, если бы “красная опасность” исчерпывалась такими людьми, как Толстой и Кропоткин, террористами, как Ленин или Плеханов, старыми психопатками, как Брешко-Брешковская или же Фигнер, или авантюристами типа Савинкова и Азефа. Как это бывает с каждой заразной болезнью, настоящая опасность заключалась в многочисленных носителях заразы: мышах, крысах и насекомых...» Кого имел в виду великий князь под носителями заразы? О нет, отнюдь не марксистов. Он имел в виду самую верхушку российского общества.

Невыносимое положение «низов» усугублялось тотальным разложением «верхов» и тяжелейшим кризисом власти. Короче говоря, империя к тому времени прогнила насквозь и, как и положено любой уважающей себя рыбе, гнила она с головы.

Не будем говорить об обычных пороках, свойственных гнилому обществу, – да нас пороками и не удивишь, за сто лет мир в этом смысле ушел куда как далеко, и что в те времена называли разнузданными оргиями, сейчас показывают по телевизору в обычные, не ночные часы. Нас интересует лишь одна тема – общество и власть, а точнее, борьба общества против власти, ставшая основной проблемой России на протяжении всего XIX века и доставшаяся в наследство большевикам. Если на протяжении ста лет хорошим тоном было ни во что не ставить собственное правительство, наивно думать, что со сменой власти это пройдет, – и, став властью, большевики столкнулись ровно с теми же проблемами, что и цари. Правда, со сму-

²⁴ Сейчас наблюдается тот же процесс, но корни у него другие – крайне нездоровый образ жизни подрастающего поколения.

тьянами своими они поступили иначе, чем во времена империи, но причина понятна – они слишком хорошо знали, чем такие вещи чреватые. Нам тоже, кстати, это известно – и не знаю, как у кого, а лично у меня нет сочувствия к жертвам статьи 58–10²⁵. Слишком хорошо знаком мне и по истории, и по жизни этот тип людей...

Тупики духа

*Зеркала слишком послушны. Послушны и лживы.
Надетая маска становится лицом.
Порок превращается в изысканность,
снобизм – в элитарность,
злоба – в откровенность.
Путешествие в мир зеркал – не простая прогулка.
Очень легко заблудиться.*

Сергей Лукьяненко. Лабиринт отражений

«Бытие определяет сознание», – говорят марксисты. Да, конечно... а основной закон этого взаимодействия сформулировал в свое время Козьма Прутков: «Щелкни кобылу в нос – она махнет хвостом». Один и тот же народ во время Великой Отечественной войны выносил невероятные тяготы без протеста, а в конце 80-х, будучи вполне сытым, вдруг упоенно кинулся разрушать собственное государство. Бытие тут ни при чем – это извращалось сознание, господа, оно-то в конечном итоге все и определило. Небольшой, легко исправляемый экономический перекос при идеологическом кризисе привел к распаду державы. Что же говорить о неустранимых экономических противоречиях при абсолютном идеологическом тупике? К чему он должен был привести?

В последние предреволюционные годы Россия вдруг оказалась без идеологии. Нет, основная масса населения спокойно, привычно и не критически держалась за освященную веками триаду: «За Веру, Царя и Отечество», как сто лет спустя держалась за коммунистическую доктрину. Основная масса и вообще-то живет по принципу «от добра добра не ищут». Но в реальности оказалось, что дом давно уже стоит на песке, и стоило подуть ветру, как большинство населения радостными криками приветствовало свержение царя, оно же абсолютно индифферентно или же сочувственно отнеслось к преследованиям Церкви – только при этом условии большевики смогли, да и посмели бы развернуть их. Ну а Отечество очень скоро стало умищаться в своей деревне, а то и еще проще: «Где хорошо – там и родина».

Когда идеология живая, работающая, принимаемая населением как свое кровное дело, тогда испытания ее только укрепляют, как то было в 1612-м или в 1941 году. Но если она пережила самое себя, то получается точно по Евангелию: дом, построенный на песке, не смог пережить бурю, «и было падение его великое».

В первую очередь за превращение гранита в песок спасибо надо сказать все тому же Петру, вбросившему в Россию западные порядки. Основная благодарность, конечно же, за Церковь. Московское государство было устроено по-умному, и в числе прочих добрых устройств в нем существовала страховка на случай кризиса власти. Если на престоле вдруг не оказывалось царя, на его место заступал патриарх. Конечно, главы церковной и светской власти не всегда жили дружно, всякое бывало... но до Петра русские цари с головою дружили – карали неугодных архиереев, однако не покушались на принципы церковного управления, не рушили опоры собственного трона. Петр же в какой-то момент своей многотрудной борьбы за то, чтобы Россия была ну точь-в-точь как Европа, со всеми ее закидонами, не сошелся во мнениях с Православной церковью. И поступил по-петровски, попросту упразднив патриарха – чтобы не мешал,

²⁵ Статья 58–10 предусматривала меры наказания за «антисоветскую агитацию и пропаганду».

а Церковь отдал во власть Святейшего Синода. Очень скоро сей орган стал, по сути, «министерством благочестия», подчинявшимся царю на тех же условиях, что и прочие министерства. Вице-президент Синода архиепископ Феофан Прокопович открытым текстом говорил, что Церковь должна «споспешествовать всему, что к его царского величества верной службе и пользе во всяких случаях касаться может». В результате Церковь из самостоятельной силы стала крепостной рабыней, обязанной жить не по своей совести, а как хозяин велит.

Нет, далеко не все церковные иерархи были недовольны сложившимся положением, скорее наоборот. Рабство имеет и выгодные стороны – например, гарантированное содержание. Империя не держала свою идеологическую рабыню в черном теле, отнюдь – что-то, а содержание было богатым, жаловаться не приходилось. Но ведь Христос, кажется, создавал Церковь Свою несколько для другого...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.